

Елена Логунова
Напиток мексиканских богов
Серия «Тяпа Иванова», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181421
Напиток мексиканских богов: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33657-9*

Аннотация

Таня всегда уступала своей не в меру энергичной подруге. Вот и на этот раз взяла отпуск в апреле, чтобы составить Райке компанию на приморском курорте. Однако отдых сразу пошел наперекосяк – Райка унеслась на очередное свидание и... пропала с концами! А на следующий день в бассейне аква-парка нашли утопленницу – шикарную брюнетку с силиконовым бюстом. Узнав в этом описании свою дорогую подругу. Таня ужаснулась, а вскоре получила от Райки записку с просьбой ни в коем случае не покидать отель. Выходит, она жива, но, как обычно, втянула Таню в какую-то авантюру!

Елена Логунова

Напиток мексиканских богов

– Раиса, нет! – сердито прошипела я.

Шепот получился свистящим, потому что я крепко стиснула зубы. А еще я закрыла глаза, чтобы не видеть плотоядную улыбочку на лице мужика, жадно плящущегося в Райкино декольте.

Врать не буду, там было на что посмотреть: данный ей от природы второй размер моя подруга увеличила до четвертого. И бюст, вскормленный израильским силиконом, оказался настолько хорош, что этим летом гордая Райка вывезла его на историческую родину, где и демонстрировала теперь всем желающим, как большую культурную ценность интернационального значения.

Желающие находились во множестве, хотя до пика курортного сезона было еще далеко: в отель, где мы с Райкой остановились, массово прибывали участники предстоящего международного финансово-экономического саммита. Дам среди них было немного. В подавляющем большинстве финансовый мир представляли энергичные джентльмены, более или менее живо интересующиеся глобализацией как всей мировой экономики, так и отдельных частей женского организма.

Сама я, глядя на немолодых дядечек в деловых костюмах, никакого нежного томления не испытывала. Финансисты и экономисты никогда не были героями моих эротических фантазий и не производили на меня впечатления глубоко законспирированных сексуальных террористов. Однако Райка, аргументированно ссылаясь на философские знания, которые мы с ней вместе получали в университете, утверждала, что даже от плохоньких мужиков отказываться нельзя. Плохоньких мужиков надо брать оптом, ибо переход количества в качество неизбежен! Убежденная в этом, она с радостью наблюдала за вывешенным в холле табло: меняющиеся на нем цифры демонстрировали неуклонный рост числа участников саммита и дарили моей бесстыжей подруге надежду на продолжение постельного марафона с финансистами, чей скудный сексуальный опыт после общения с Райкой обогащался, как плутоний.

– Его жена еще скажет мне спасибо! – самодовольно говорила распутница, пересказывая свою очередную скоротечную лав стори за завтраком.

Слушать про ее постельные забавы мне уже надоело. Эпические повествования о чужой разгульной жизни все больше раздражали: я-то приехала на курорт просто отдыхать, а не испытывать на прочность гостиничные кровати! Сегодняшний день, равно как и два предыдущих, я безвылазно провела в шезлонге и в подражании подрумянивающейся курочке на гриле немного перестаралась. Мой собственный бюст (далеко не такой пышный, как у Райки) и другие открытые участки тела покрылись красным индейским загаром. Голова болела, желудок свернулся в клубочек и жалобно поскуливал. Очень хотелось принять ванну, с головы до ног намазаться толстым слоем крема, заказать в номер ужин, съесть его и завалиться спать, не отвлекаясь на Райкины эскапады.

– Что тебе нужно, так это спа! – одобрила эти планы та часть моей бессмертной души, которая отличается похвальным благонаравием и откликается на имя Нюня.

– Точно, СПА и ЖРА! – согласилась моя внутренняя нахалка Тяпа.

Оставалось убедить в этом неугомонную подругу.

– Райка, нет! – снова просипела я.

– Почему – «нет»? – манящим грудным голосом промурлыкала она, выгибая спину и тем самым приближая свои прелести к самому носу невысокого мужика.

Я слабо застонала и снова закрыла глаза. Лифт остановился, пол кабины качнулся – кто-то вышел, кто-то вошел. Потом мы снова поехали вверх.

– Бо-оже, какой большой и красивый! – восторженно вскричала Райка.

Я немедленно распахнула глаза и с облегчением убедилась, что возникшее у меня подозрение, будто безнравственная подружка начала сексуальные игры прямо в лифте, безосновательно. Большим и красивым оказался румяный каравай, похожий на гигантскую шапку Мономаха. Он был украшен разноцветными цукатами и увенчан расписной солонкой. К караваю просилась девица в кокошнике, с косой до пояса и в сарафане до пят, однако ее в лифте не наблюдалось. Высокохудожественное хлебобулочное изделие транспортировал парень в деловом костюме, строгий вид которого смягчал галстук, залихватски заброшенный через плечо.

– Что, нравится? – живо спросил он Райку, которая зафиксировала грудную клетку на вдохе, эффектно противопоставляя караваю собственные пышные булки. – Могу подарить. Денег, красавица, совсем нет, но хлеб-соль я за любовь тебе отдам. Ты как, согласна?

– Какой позор! – неслышно охнула моя Нюня. – Райку снова приняли за ночную бабочку!

– Это ей, конечно, должно быть очень обидно! Она же не только ночью! – хмыкнула Тяпа.

Я промолчала. Ситуация была вполне штатной, ожидаемой и предсказуемой. После эмиграции в Израиль моя любвеобильная институтская подруга несколько месяцев не за страх, а за совесть трудилась в закордонном борделе. Потом-то Райка благополучно вышла замуж за состоятельного старичка и осела в домохозяйках, а недавно превратилась в обеспеченную вдовушку, но ее тоска по активной трудовой деятельности отнюдь не иссякла.

Должна сказать, что мужчины моей подружке нравятся абсолютно все, без исключения. Во времена нашей студенческой юности эта ее всеядность меня шокировала, но, поскольку в иных своих проявлениях Раиса совершенно нормальный, вполне цивилизованный человек, я раз и навсегда постановила считать ее неумеренный сексуальный аппетит отдельным недостатком, который только подчеркивает многочисленные достоинства. Сама Райка позиционирует свою женскую неразборчивость как похвальную заботу о здоровье: она уверена, что секс бесконечно полезнее всех диет, упражнений, лекарств и оздоровительных процедур, вместе взятых. А о своем здоровье моя подружка заботится просто фанатично! К примеру, сразу после прилета в Россию, прямиком из аэропорта, она направилась к стоматологу, чтобы починить зуб – пломба из него выпала во время контакта с жесткой мясной нарезкой, которой потчевали пассажиров эконо-класса. По-моему, дантист сильно удивился, увидев у себя на приеме даму в запыленных одеждах и с чемоданами в заграничных наклейках. Но, судя по тому, что с Райки не взяли дополнительную плату за срочность, доктору здорово польстило заблуждение, будто слава о его профессиональном мастерстве вышла за пределы черноморского курорта на мировой простор. А Райка, заплатив за скоростную починку зуба, еще долго крыла нехорошими словами своего израильского дантиста с фамилией Криворучко и авиакомпанию, которая скармливает пассажирам мясные окаменелости.

Впрочем, история с зубом – это еще цветочки. После вселения в гостиничный номер Раиса потрясла меня тем, что устроила из ванной комнаты филиал частнособственнической палаты мер и весов. На пол она поставила специально привезенные весы, на стену приклеила аккуратную таблицу «Мои идеальные размеры», на крючок для полотенца повесила инструмент для ежедневного контроля за объемами – портновский метр, а на полочку под зеркалом водрузила аптечный пузырек, относительно содержимого которого не могло быть никаких сомнений: наклейка «Образец мочи здорового человека» говорила сама за себя. По настоянию Нюни я тактично воздержалась от расспросов и потому до сих пор не узнала, каким образом Райка сверяет с этим эталоном жидкие отправления своего организма.

– Так как насчет ЭТОГО? – с нажимом спросил мою необыкновенную подругу наш лифтовый попутчик.

– Гм, я никогда еще не делала ЭТО за хлеб-соль! – пробормотала Райка, явно заинтригованная.

Стало понятно, что сей ценный опыт будет приобретен ею в самом ближайшем будущем. Я безнадежно вздохнула и снова закрыла глаза. Лифт остановился, кабинку немного поштормило, и мы поплыли вверх. Потом я услышала женский голос:

– Девушка, вам плохо?

Из-за конторки с табличкой «15 этаж» на меня с подозрением смотрела дежурная.

– Сейчас плохо, – честно сказала я. – Но скоро будет хорошо.

– Конечно, если кровать в номере застелили чистым бельем, а в душе дали горячую воду! – не удержалась от ехидного уточнения моя Тяпа.

Тех глубоко непорядочных людей, которые присвоили отелю «Перламутровый» категорию «три звезды», хотелось поселить в этой гостинице на всю оставшуюся жизнь. Уверена, она бы у них не затянулась: одного сливного отверстия в замшелом цементном полу душевой было достаточно, чтобы испытать острое желание покончить жизнь самоубийством. Я уже три дня боролась с суицидальным порывом броситься с пятнадцатого этажа и побеждала его главным образом потому, что не могла заставить себя приблизиться к балконным перилам. От беглого взгляда на покрывающие их отходы голубиной жизнедеятельности делалось мутно.

– Перламуторно! – опять съязвила Тяпа.

– Если хотите попасть в номер, для начала выйдите из лифта, – тоже не без ехидства посоветовала дежурная.

В кабине, кроме меня, никого не было. Очевидно, Райка и парень с караваем вышли на предыдущей остановке.

– Какое-то сексуальное обжорство! – с подачи высоконравственной Нюни неодобрительно пробурчала я.

Девушка, скукающая на диване в углу холла, услышала мое ворчание, встрепенулась и подобрала ноги. Похоже, она приняла мою реплику на свой счет, и не без оснований: вид у дамочки был такой, словно они с Райкой трудились в том израильском борделе плечом к плечу.

– Точнее, бедром к бедру! – хихикнула Тяпа.

– Хватит уже! – с досадой попросила ее Нюня, которая не любит пошлых шуточек.

– А че хватит? – насупилась дева на диване. – Я ваще тока пришла!

Не удостоив ее ответом, я целеустремленно прошагала по коридору и закрылась в своем номере. В ту же секунду на прикроватном столике затрезвонил телефон.

– Да! – сердито сказала я, сняв трубку.

– Прошу прощения, но я должен сказать вам, что вы редкая красавица! – напористо произнес незнакомый мужской голос.

– Серьезно? – недоверчиво переспросила я, покосившись на зеркало, в глубинах которого пламенело мое краснокожее отражение.

Такая красавица могла бы понравиться только Чингачуку.

– Я таких красивых еще не знал! – жарко задышал телефонный голос. – Но очень хочу узнать! Я хочу унизиться перед тобой, как мужчина перед женщиной. Ты меня хочешь? Я к тебе приду.

– К чертовой бабушке приходи! – первой среагировала на гнусное предложение Тяпа. – М-мотылек!

Я бросила трубку, сердито посмотрела на свое отражение, швырнула на тумбочку сумку и пошла в ванную, по пути сбрасывая одежды.

Горячей воды, конечно же, не было. Взвизгивая, шипя и ругаясь, я кое-как ополоснулась под холодным душем, завернулась в большое полотенце и прямо в нем, негнушимся свертком а-ля египетская мумия, улеглась в постель с видом на телевизор.

– Да-а-а! – со сладкой мукой в голосе простонала за стеной какая-то дама. – О! О! О-о-о-о!

– Да что же это такое! – возмутилась я, роняя пульт, которым не успела воспользоваться. – Сплошной разврат со всех сторон! Такое ощущение, будто этим тут занимаются абсолютно все!

– И только ты лежишь в постели одна, как полная дура! – поддакнула Тяпа.

– Это возмутительно! – резюмировала Нюня, не уточнив, чем именно она возмущена.

В соседнем номере скрипела и трещала кровать. Я включила телевизор, но идущий по первому каналу унылый сериал не смог заглушить жизнерадостное реалити-шоу «За стеной». Чтобы не слышать этого безобразия, я вышла на балкон и захлопнула за собой дверь. Сразу стало тихо: очевидно, соседи резвились в герметично закрытом номере, довольствуясь кондиционированным воздухом взамен натурального.

А природа-то была хороша! С высоты пятнадцатого этажа открывался потрясающий вид на море, размеренно дышащее в полукольце пологих гор. На темной воде волшебным мерцала лунная дорожка, берег сиял электрическими фонарями, и точно по линии горизонта, как золотая бусинка по черной ниточке, скользил огонек, который на самом деле был, наверное, роскошным многопалубным лайнером. Я замечталась, воображая себя на палубе шикарного круизного судна, и моя Нюнечка с придыханием заахала что-то заманчивое про растрепанные ветром локоны, длинную нитку жемчуга и роскошное шелковое платье с открытой спиной, которую мог бы заботливо прикрыть от свежего морского ветра кто-нибудь вроде Леонардо Ди Каприо... Заглушая все звуки живой природы, в ушах зазвучал проникновенный голос Селин Дион. В подражание героине «Титаника», парящей на носу корабля, я раскинула руки, наклонилась над перилами балкона, и... полотенце, кое-как заменявшее мне вечернее платье с открытой спиной, спланировало вниз, оголив меня полностью!

– Козел-собака! – выругалась моя Нюня самыми грязными своими словами.

А Тяпа выматерилась так, что у меня уши заложило.

Прикрываясь ладошками и искренне сожалея о том, что я не шестирукое божество, которому не составило бы труда спрятать в горстях все свои эрогенные зоны, я отскочила от ограждения и ударились спиной о балконную дверь. Против ожидания, она не распахнулась, роняя меня внутрь. Я шустро развернулась, налегла на нее плечом, подергала ручку и, осознав, что мои усилия безрезультатны, триединым голосом взвыла:

– Бли-и-ин! Опять заклинило!

С нашей балконной дверью это уже случалось. Не далее как вчера Раиса, перед сном отправившаяся на балкон подышать, застряла там на полчаса и от нечего делать познакомилась с соседом слева – тоже курильщиком. Когда я, выйдя из душа, обнаружила отсутствие в номере подружки и с помощью стального рожка для обуви призвала к порядку норовистую дверь, Райка уже наполовину втянулась за разделяющую балконы перегородку, оставив на нашей территории только нижнюю свою половину. Впрочем, сразу после освобождения она унеслась к соседу целиком, и за стеной началось такое акустическое шоу, что мне пришлось спать в треуголке из подушки. Правда, вернулась Раиса довольно быстро и поутру клеймила соседа позором за нездоровые порывы, без всякого почтения называя его «лысым теоретиком садо-мазо-приколизма».

– Соседа зовут Витя! – моя Тяпа кстати вспомнила имя антигероя Райкиного утреннего рассказа.

– Не вздумай позвать на помощь этого соседа! – всполошилась Нюня. – Он решит – ты хочешь того же, чего и Райка! Ты же совсем голая!

Бесспорно, это была проблема, в комплекте с запертой дверью представляющаяся неразрешимой. Имей я приличный вид, можно было бы попробовать привлечь внимание соседей. Балконы, протянувшиеся по всему фасаду здания, разделяли двухметровые перегородки, немного не доходящие до широких перил ограждения: я могла за них заглянуть, высмотреть на своем уровне или этажом ниже благородного кабальеро, внушающего доверие, и адресно позвать его на помощь. Но примерять роль героини спасательной операции на голое тело я не смела, а никаких подходящих тряпок на нашем балконе не имелось.

– А ты туда посмотри! – изнутри подтолкнула меня Тяпа. – Видишь?

Я посмотрела и увидела соседний балкон, на нем веревочку, а на ней, в свою очередь, – сохнувшее полотенце.

– Нет! – пискнула Нюня, сообразив, что к чему.

– Да! – нажала Тяпа. – Не дрейфь! Перила широкие, ты будешь держаться за стеночку и пройдешь, как по гимнастическому бревну.

– Голая? – мрачно обронила я, понимая, что ничего лучшего мне, пожалуй, не придумать.

– А что? Акробатический нудизм! – хохотнула бесшабашная Тяпа.

– И босиком! – напомнила я и с сомнением посмотрела на перила.

Сегодня они были более-менее чистыми. То ли горничная в неожиданном приступе трудолюбия распространила уборку на все территории номера, то ли наш штатный голубь весьма своевременно решил освоить другие балконы гостиницы.

– Не надо, не делай этого, мне страшно! – заныла Нюня. – Упадешь с балкона – погибнешь!

– Останешься на балконе – тоже погибнешь! – возразила ей Тяпа.

Я закрыла глаза, дала волю воображению, и оно охотно нарисовало пару пугающих картин. На одной из них у подножия пятнадцатизэтажной башни лежало мое голое бездыханное тело. На другой картине мое голое бездыханное тело, замерзшее и похожее на неаппетитного синюшного бройлера, скрючилось в углу балкона.

– Есть еще третий вариант, – с дальним прицелом сказала хитрющая Тяпа. – Рано или поздно тебя увидят соседи, они позовут на помощь, и за твоё возвращение к жизни будет бороться отряд спасателей или бригада пожарников!

С голыми руками, ногами и всем остальным встречать мужественных бойцов спецподразделений?! Стыдливая Нюнечка, как и следовало ожидать, обрисованной перспективы устрашилась и немедленно подтолкнула меня к перилам со словами:

– О боже, нет! Лучше смерть!

Страх – отличный катализатор. Через несколько секунд я была уже на соседнем балконе, где без промедления сдернула с веревки полотенце. Поспешно замотавшись в него, я ощутила слабость в коленках и обессиленно опустилась в пластмассовое кресло. Задача первостепенной важности – прикрыть наготу – кое-как решилась. Теперь можно было переходить ко второй фазе спецоперации под девизом: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». В моем случае – застрявших.

– Покричим? – задорно предложила Тяпа.

– Дай хоть отдышаться, – жалобно попросила Нюня.

Полулежа в холодном кресле, я медленно приходила в себя. Реанимационному процессу никто не мешал, в номере царили темнота и тишь. Неуверенным жестом протянув вялую руку, я толкнула балконную дверь и с недоверчивой радостью увидела, что она не заперта!

– Вот это, я понимаю, повезло! – возликовала Тяпа. – А ну, поднимайся, хорош задницу отмораживать, айда в комнату!

Я не заставила себя уговаривать и мгновенно ввинтилась в щелочку приоткрытой двери.

Оконный блок закрывали длинные портьеры. Я целиком уместилась в одну большую складку, заглянула в щелочку между полотнищами – и ничего не увидела. Тогда я приблизилась к той же щелочке ухо – и ничего не услышала. Очевидно, в номере никого, кроме меня, не было.

Под прикрытием портьеры я опустилась на корточки и в полной темноте на четвереньках подобралась к просторной квадратной кровати. Она была застелена чем-то скользким.

– Значит, в данный момент там никто не спит, потому что постельное белье в этой гостинице не шелковое, а бязевое! Скользкое – это покрывало, – заключила наблюдательная Тяпа. – Можешь принять вертикальное положение, зажечь свет и осмотреться.

Вспомнив расположение электроприборов в собственном номере, я нащупала над плинтусом розетку, от нее по шнуру добралась до бра и включила его. В приглушенном желто-розовом свете нарисовалась пустая кровать, крайне небрежно застеленная помятым покрывалом, один угол которого сполз на ковер.

– Этот номер лучше, чем твой! – ревниво заметила Тяпа.

– Но разница невелика, – отозвалась миролюбивая Нюня.

По размеру и планировке помещение ничем не отличалось от того, в котором квартировали мы с Райкой, только этот номер был не двух-, а одноместным. Во всяком случае, кровать тут была одна, зато большая. Двухспальным ложе два на два с половиной метра называлось чисто условно, на нем запросто могли разместиться и трое.

– И даже четверо, если в два слоя! – смело пошутила Тяпа.

А Нюня потребовала прекратить бесстыжий треп и подумать о том, что делать дальше.

Это был даже не вопрос – прямое побуждение к действию. Номер типичный, и можно надеяться, что и замок в двери тут такой же, как у нас: снаружи он открывается ключом-картой, а изнутри – поворотом ручки, как обычный английский замок. Со своего места в изножье гигантской кровати я испытующе посмотрела на дверную ручку, и она вдруг шевельнулась!

Опыты телекинеза не удавались мне даже в ранней юности, когда я живо интересовалась паранормальными явлениями в диапазоне от воспламенения взглядом симпатичных одноклассников до спиритических сеансов общения с почившими кавалерами галантных веков. Значит, дверную ручку повернула не я.

– Кто-то идет! – неслышно – ультразвуком, как летучая мышка, – пискнула моя Нюня.

Не теряя ни секунды, я дернула веревочку бра, в наступившей темноте рухнула животом вниз и с проворством ящерицы заползла под кровать. И едва успела втянуться под нее целиком, как синее, точно море, ковровое покрытие позолотила лунная дорожка от распахнувшейся двери. Сквозь частую бахрому покрывала я увидела на пороге темную фигуру, о которой могла сказать только одно: она была двуногая. А мужская или женская – я не поняла.

– Гуманоид, – нервно хихикнула бесшабашная Тяпа.

– Двуногий, но не прямоходящий, – машинально уточнила дотошная Нюня.

Действительно, гуманоид шествовал по сложной кривой с завитушками, каблуками вырисовывая на скучном однотонном ковре персидские огурцы.

– Не, этот парень с Земли, точно! – с уверенностью определила многоопытная Тяпа. – Наш мужик, пьяный в доску!

Гулко хлопнула закрывшаяся дверь. Шелковая бахрома у моего лица взвихрилась, я отползла поглубже, и вовремя: пьяный землянин широким жестом сдернул с кровати покрывало. Я явственно увидела черные кожаные сапоги, такие блестящие, что в позиции лежа я могла бы смотреться в них как в зеркало. Над головой моей хрустнуло: мужик уронил сидалище на кровать и завозился, стягивая с себя сапоги. Процесс давался ему с большим

трудом, о чем свидетельствовала вдумчивая матерная ругань. Неприличные слова озвучивал довольно приятный баритон, который немного портила пьяная икота. Примерно через минуту рядом с сапогами, зафиксированными во второй балетной позиции, установились ноги в бежевых льняных носках с умильным кантиком из лазоревых цветочков. Стопы недетского сорок четвертого размера размялись, покатавшись с пятки на носок, а потом вознеслись и исчезли. Матрас захрустел, как снежный наст, по которому рысцой пробежал увесистый кабанчик.

– Во мужик! – уважительно прошептала Тяпа. – Здоровенный, как лось!

– Спи, мой лосенок, усни! – тихонечко затанула Нюня, которой не терпелось завершить неожиданное приключение благополучным возвращением в наш законный номер. – В доме погасли огни!

– Лось на кровати лежит! – подхватила Тяпа. – Воздух от храпа дрожит!

– Глазки скорее сомкни! – прошептала я.

И мы слаженным трио закончили:

– Усни-и-и-и!

И пьяный лось с планеты Земля, подчиняясь могучему заклинанию старинной колыбельной, захрапел размеренно, громко и задорно, как трактор передовика социалистического соревнования на героическом подъеме целины.

– Шевелись! – не дожидаясь антракта в сельхозработах, скомандовала Тяпа.

Я послушно шевельнулась и едва не взвизгнула от резкой боли: под локоть мне угодило что-то маленькое, но очень твердое и колючее. Я потеряла травмированное место и машинально подхватила с пола неудобную штуковинку. Это была пластмассовая кривулька, подвешенная на цепочку в одном ряду с мелкими горошинами, – какое-то лилипутское ожерелье с подвеской. Я без раздумий надела его на руку, так как, будучи девушкой абсолютно нормальной, отношусь к любым украшениям со здоровым интересом и уважением.

Извиваясь, я выползла из-под кровати, точно раздавленный тяжелой жизнью аллигатор, но вынуждена была сразу же испуганно зарыться в тряпичную кучу: на прикроватной тумбочке засвистал лихим тирольским мотивчиком чужой мобильник, и мужик на кровати перестал выводить носом рулады.

– Я! – вполне бодро сказал он в трубку. – Я, я! Натюрлих. Яволь!

– А лось-то не наш, – тихо шепнула Тяпа. – Не землячок! Заграничный лось – немецкий!

– А нам все равно, откуда он! Хоть с Сириуса! – сердито прошипела измученная переживаниями Нюня. – Уползаем, пока этот немецкий лось ничего не слышит и не видит!

И под пьяное лопотание на чужом языке я вместе с маскировочным покрывалом попластунски переместилась в крохотную прихожую. Там, оказавшись вне поля зрения иноземного лоса, я встала в полный рост – и обнаружила, что снова потеряла где-то свое полотенце.

– Это уже второе сегодня! Одеяло убежало, улетела простыня! Не везет тебе нынче с махровыми изделиями, – мельком посочувствовала Тяпа.

У нее уже созрел новый смелый план:

– Предлагаю замотаться в покрывало! Ты же умеешь делать сари?

Умение сооружать оригинальные одеяния из мануфактурных изделий постельно-бельевой группы я приобрела еще в пионерском лагере, когда мы с девчонками в незатейливых нарядах из белых простынок а-ля «привидение с моторчиком» бродили по укромным парковым аллеям, злокозненно распуская целующиеся парочки. Такова была наша страшная детская месть вредным пионервожатым, и я никогда не думала, что этот навык пригодится мне во взрослой жизни.

Оказалось, что делать сари я не разучилась, хотя с шелковым гостиничным покрывалом возни было больше, чем с суровой пионерлагерной простыней. Скользящая ткань так и норовила распутаться, так что мне пришлось подвязывать пестрое индийское одеяние этнически чуждыми ему белыми шнурками. Их я вытянула из щегольских кремовых туфель, чьи замшевые носки, похожие на острые мордочки двух любопытных белых мышек, на свою беду выглядывали из обувницы в прихожей.

Из тонкой шелки по периметру входной двери просачивался свет, да и глаза мои успели привыкнуть к темноте, так что непроглядным окружающий меня мрак уже не был. Поэтому мой инстинктивный порыв посмотреть на себя, такую нарядную, в зеркало не был лишен смысла. Отражение меня не слишком порадовало, но и не ужаснуло. Фигура в мешковатом наряде из многослойного пестрого шелка походила и на принцессу Нури, и на чучело с индийского огорода, и на гуманоида с Сириуса, и на рулон линолеума веселой фантазийной расцветки. Чтобы немного увеличить сходство именно с принцессой, я распустила волосы по плечам и пятерней причесала их на относительно прямой пробор, а потом испачкала пальчик коричневым кремом для обуви и нарисовала между бровей аккуратный кружочек.

– Да просто класс! Индира Ганди отдыхает! – самодовольно сказала Тяпа.

Немецкий лось тоже отдыхал, не отвлекаясь на мое присутствие. Нисколько не желая его беспокоить, я бесшумно нажала на дверную ручку, выскользнула в коридор и аккуратно прикрыла за собой дверь.

– Ну, слава богу! – с облегчением вздохнула Нюня.

Она рано обрадовалась: дверь нашего номера оказалась заперта. Ключа у меня не было, а на стук никто не отозвался. Очевидно, Райкина подвижная игра в «Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай» еще не закончилась.

Стоять под дверью было глупо и неудобно. Я вернулась в холл с видом на лифт, села в кресло и стала беззвучно, но горячо молить небеса о скорейшем возвращении подружки с ключом.

Очень скоро моему богоугодному занятию помешала дежурная по этажу. Она вышла из гладильной комнаты, держа в руке вешалку с отутюженными белоснежными брюками, при виде меня замедлила шаг и удивленно спросила:

– А это еще тут откуда?

Не уловив глубинного смысла вопроса, я восприняла его в чисто географическом разрезе и мелодичным голосом, каким, в моем представлении, должна разговаривать благовоспитанная девушка из приличной индийской семьи, ответила:

– Из Бангалора.

– Это где такое? – с подозрением рассматривала меня дежурная.

– Понаехали, блин, таджикские гастарбайтеры! – заворчала вульгарная девка, вольготно развалившаяся на диване. – На стройку иди, чучело, бетон мешай! Че ты сюда приперлась, рожа неумытая?

Такое яростное проявление расизма меня неприятно удивило и обидело. В другое время мы с Тяпой не задержались бы с адекватным ответом, содержащим перечисление всех дефектов рожи, кожи и внутреннего мира гадкой девки. Но блаженная Нюнечка вовремя напомнила нам, что Индия – родина Махатмы Ганди, чья миролюбивая философия снискала одобрение всего цивилизованного мира, и я ограничилась тем, что сказала непросвещенной хамке с кротким упреком:

– Инди, руси – бхай, бхай!

– Ты кого тут учить будешь, чучело?! – отнюдь не подобрела противная девка. – Да я это твоё пхай-пхай с тринадцати лет делаю, и еще никто не жаловался!

– Катя! – предостерегающе сказала дежурная.

– А че Катя? Я уже двадцать лет Катя! – девка основательно завелась. – Я, блин, полгода на вокзале как каторжная пахала, пока меня в эту гостиницу поставили, а тут какое-то чучело приперлось и будет мне клиентуру перебивать?!

– Катя! – веско повторила дежурная. А меня неприязненно спросила: – Милочка, ты чья?

– Мамина и папина! – сердито гавкнули мы с Тяпой, отпихнув в сторону Ньюню и Махатму с их непопулярным в простонародных массах миролюбием.

– Так Папины девочки на вокзале работают, а Мамины – в ночном клубе на острове! – обрадовалась Катя, и я поняла, что сказала что-то не то. – А ну, вали отсюда, пока я своих мальчиков не позвала!

– И в самом деле, – поддержала ее дежурная. – Шла бы ты на свое место, милочка, что это за мода – самодеятельность разводить?

– Ага, вчера одна выкобенивалась, сегодня другая выпендривается! – злорадно поддакнула Катя.

Она с трудом распутала конечности (они были крупные, рельефные и в позиции «нога на ногу» состыковывались выпуклостями и впадинами, как пазлы), пригнулась, как хоккейный вратарь, подбоченилась и рывкнула:

– А ну, геть отсюда, дешевка!

– Это кто дешевка?! – китайской петардой взвилась моя горячая Тяпа. – Это я дешевка?!

– Девочки, девочки! – дежурная помахала перед нами отглаженными брюками, как белым флагом.

И в этот момент очень кстати подъехал лифт.

– Цыц! – сусликом свистнула на нас с Катей дежурная, проворно убегая за свою конторку.

Лифт лязгнул, двери разъехались, и в холл, грациозно покачиваясь, выступила растрепанная Райка с надкусанным караваем под мышкой.

– Добр вечер! – сквозь хлебную жвачку во рту возвестила она невнятно, но ее тон не оставлял никаких сомнений в искренности сказанного.

Чувствовалось, что вечер у подружки действительно удался, что меня ничуть не обрадовало.

– Харе Кришна! – сердито отозвалась я, не рискуя раньше времени выходить из образа благовоспитанной бангалорки.

– М-м-м? – Услышав знакомый голос, Райка удивленно моргнула, недоверчиво уставилась на меня и после паузы, заполненной задумчивым чавканьем, с легкой обидой сказала:

– Чего сразу «харя»? Ты на свою посмотри! Где измазалась-то?

– В Бангалоре, вестимо! – kloчочущим голосом пробублькала я, подхватывая подруженьку под ручку, свободную от каравая.

– Так бы сразу и сказала, что лесбиянка! – в спину мне крикнула Катя.

– О, тут есть лесбиянки? – заинтересованная Райка оглянулась и замедлила шаг, но я не позволила ей остановиться. – Отлично! Нам больше мужиков достанется.

Под разглагольствования подруги, эгоистично одобряющей существование в этом грешном мире любительниц однополрой любви, мы прошествовали по коридору, открыли Райкиным ключом-картой номер и скрылись от ревнивого взора Кати за своей дверью с циферками 1-5-6-7.

Номер был легким для запоминания, но у меня на нервной почве случился приступ склероза, что и обусловило дальнейшее развитие событий.

Пока я мокла под душем и тщательно оттирала мочалкой ноги, совершившие затяжную прогулку босиком, Райка успела переодеться и опять упорхнуть. Убегая, она побарабанила в дверь ванной и пропела, перекрывая шум воды:

– Танюшка, я ушла! Скоро не жди!

И я лишилась возможности поведать подруге о моих недавних приключениях и получить в утешение и назидание какую-нибудь глубокомысленную сентенцию из богатых закромов Райкиной житейской мудрости.

– Ладно, лягу спать просто так, без сеанса психоанализа, – вздохнула я и полезла в постель.

Но без психоанализа как-то не спалось.

– Это стресс, – авторитетно сказала Тяпа. – Его нужно снять.

И она развила эту короткую мысль в пространную рекомендацию, суть которой сводилась к тому, что лучше всего стресс снимается вместе с одеждой, в приятном мужском обществе.

– А нельзя ли как-нибудь без этого? – напряглась благонаправная Нюня. – Как будто нет других успокоительных средств! Можно выпить валерьяночки. Или выйти на балкон и подышать свежим воздухом.

– Это я уже проходила, – напомнила я. – То есть выходила. И именно так нажила стресс, который теперь как-то надо снимать!

– Тогда – выпить, – согласилась сговорчивая Тяпа. – Но только не валерьяновых капель! Что, в местном баре больше нечего накапать?

Я оделась, спустилась и убедилась, что выбор «капель» в баре на первом этаже отеля весьма велик. Я оглядела стройную шеренгу бутылок, ни одной этикетки не узнала и, не желая показаться неопытной простушкой, ткнула пальцем в первый попавшийся сосуд.

– Пятьдесят или сто? – равнодушно спросил бармен.

– Сто, – сказала я, повинувшись Тяпе, которая фыркнула, что пятьдесят – это несерьезно.

– Смешать или так? – спросил еще бармен.

– Так, – ответила я, опрометчиво послушавшись Нюню, которая заявила, что коктейли – это зло, изобретенное коварными мужчинами специально для спаивания неопытных простушек.

Бармен пожал плечами и на треть наполнил стакан бледно-желтой жидкостью. Похожая на слабый чай, она выглядела вполне невинно, и я выпила залпом, после чего надолго застыла с открытым ртом и выпученными глазами. Желтое пойло, принятое на пустой желудок, выжигало внутренности, взрывало мозг и снимало стресс так же легко, как рубанок – стружку. Отдышавшись, я ощутила себя новорожденным Буратино, свободным от всех грехов этого мира, и почувствовала, что уж теперь-то не просто смогу уснуть, но буду спать, как деревянный младенец.

В компании собственного отражения, блаженно улыбающегося и тяготеющего к шизоидному раздвоению, я вознеслась в зеркальной кабине лифта на пятнадцатый этаж. На заплетающихся ногах прошествовала мимо не признавшей меня дежурной по этажу и с ходу вломилась в номер, мельком удивившись, что дверь не заперта, хотя я перед уходом в бар, помнится, ее захлопнула.

Фил сидел на кровати, нервно обкусывая тщательно отполированные ногти и терзаясь сомнениями. Он решительно не знал, как поступить в нештатной ситуации, которая представлялась ему тупиковой. Неожиданно сломавшийся дверной замок поставил его перед выбором: уйти на заранее назначенную встречу, оставив номер открытым для вторжения незваных гостей, или отменить свидание, ради которого он приехал. Бросать номер открытым Фил не хотел, ибо дорожил своими вещами: добротным дорогим чемоданом, новой итальянской обувью, английскими костюмами и французскими сорочками с золотыми пуговицами, стилизованными под запонки. Но отменить встречу он тоже не мог, потому что в таком случае рисковал потерять статус, в отсутствии которого не было никакого смысла дорожить

обширным деловым гардеробом. Фил прекрасно понимал: если он по собственной глупости завалит дело и выпадет из списка кандидатов на вакансию в совете директоров, то оставшиеся у руля коллеги с готовностью вытрут о его английский костюм свою собственную итальянскую обувь.

Не зная, что предпринять, Фил осмотрел дверной замок – он не производил впечатления суперсложного механизма. Вероятно, специалисту по запорным устройствам не составит труда его починить. С этой надеждой Фил позвонил дежурной по этажу, изложил ей суть своей проблемы и заручился обещанием в самом скором времени прислать в номер 1565 гостиничного слесаря-сантехника.

Пять минут спустя в открытую дверь одна за другой вошли две крепкие молодые особы в тугих декольтированных кофточках, коротких юбках и сетчатых чулках, которые вряд ли защищали ноги красавиц от ночной прохлады, но зато в свободное от штатной эксплуатации время могли с успехом использоваться в качестве рыболовных снастей.

– Ну, привет! – развязно сказала до черноты загорелая особа с вытравленными перекисью волосами.

– Вот и мы! – двумя руками поправив содержимое тесного бюстгалтера, призывно улыбнулась знойная брюнетка.

– Здравсьте, – растерянно сказал Фил, переводя взгляд с одной девицы на другую в тщетной попытке понять, кто же из них слесарь, а кто сантехник.

Сориентироваться помог чемоданчик в руке пергидрольной блондинки.

– Вы уже с инструментами? – заметив кожаный сундучок, обрадовался Фил.

– А как же! – Блондинка кивнула. – Все здесь. Любой каприз за ваши деньги!

– Я думал, это входит в стоимость проживания, – пробормотал Фил.

Он был не бедным человеком, но бережливым.

– Размечтался! – фыркнула брюнетка.

– Ты хочешь полный пансион? – ласково улыбнулась брюнетка, сочно чмокнув воздух густо напомаженными губами.

– У меня только завтрак, – машинально ответил Фил.

Все его мысли были только о том, как бы не сорвать важную встречу. Именно поэтому он не сразу понял, кто к нему пожаловал. Хотя и отметил разительное несоответствие внешнего вида и манер прибывших девиц представлению о ремонтных работниках, которое десятилетиями складывалось в широких слоях российского населения. Типичный слесарь-сантехник виделся Филу помятым мужичком в комбинезоне со зримыми следами разнообразных ремонтных работ, источающим густой аромат «после вчерашнего».

– Завтрак будет в постель, – пообещала блондинка и открыла свой чемоданчик.

В качестве спецодежды из него был извлечен не комбинезон, а комплект устрашающего вида белья из черной кожи. Инструменты же оказались настолько специфическими, что Фил наконец прозрел и с негодованием вскричал:

– Да вы с ума сошли! Я вызывал слесаря!

– Для тебя, дорогой, я буду кем угодно! – пообещала брюнетка, сноровисто расстегивая пуговицы на блузке.

Блондинка с треском потянула вниз застежку молнии на юбке. Взгляд у нее сделался тяжелым и маслянистым, как пушечное ядро в солидоле.

– Уходите! – потребовал Фил, борясь с малодушным ребячьим желанием забраться на кровать с ногами и швырнуть в нахалок подушками – внутренний голос с недетской мудростью подсказывал ему, что от кровати в этой ситуации нужно держаться подальше. – Убирайтесь прочь! Немедленно! Я сейчас вызову милицию!

– Через дежурную по этажу? – добродушно хохотнула брюнетка, деловито стягивая с пухлых плечиков тугую кофточку. – Брось, малыш! Тебе понравится.

Фил затравленно оглянулся.

– Катя, балкон! – предупредила его порыв зоркая брюнетка.

Блондинка, трясая телесами, шустро обошла Филадельфия с фланга и подперла мясистой спиной балконную дверь.

– Я не буду, – беспомощно сказал Фил. – Я не хочу. У меня и денег нет!

– А мы в кредит! – заржала брюнетка.

– Под десять процентов годовых! – захохотала блондинка.

Мозгами финансиста Фил машинально отметил, что десять процентов – это совсем немного, так что ему эта сделка, пожалуй, выгодна, но тут же спохватился и замотал головой:

– Нет! Уходите!

– Трудный случай! – вздохнула брюнетка, приближаясь к Филу с вздымающейся грудью и руками, расставленными так, словно она приготовилась принять баскетбольную передачу. – Тихо, тихо, милый! Все будет хорошо!

Фил, напротив, уже почувствовал себя плохо. Орать и скандалить, призывая на помощь широкую общественность, ему не хотелось: это поставило бы под удар деликатную миссию, с которой он прибыл в этот идиотский отель. Но не драться же с распутными бабами? Фил был воспитан как джентльмен.

– Вот и молодец, вот и умничка! – заворковала блондинка, ошибочно решив, что клиент созрел.

В этот момент дверь распахнулась, и в номер ввалилась еще одна девица – не брюнетка и не блондинка, с волосами невнятного промежуточного колера, который производители краски для волос льстиво определяют как «темно-русый пепельный». Выглядела она поскромнее, чем Катя с подругой, но вела себя хуже всех.

– Это еще что такое?! – возмутилась она, увидев полуголых девиц. – Вы с ума сошли?! Да кто вам позволил!

Фил с облегчением увидел, что брюнетка запахла кофточку.

– Пардон, мадам, – сказала блондинка, проворно складывая в чемоданчик свой специфический инструментарий. – Ошибочка вышла! Нам сказали, что тут молодой человек скучает в одиночестве.

– Кто тут скучает? – Пепельно-русская завертела головой, нашла взглядом Филадельфия, топнула ножкой и затрясла кулачками: – Ну, ничего себе! А ну, пошли вон отсюда, сексуальные маньячки! Совсем уж обнаглели – к нормальным людям в номера лезть!

– Не надо кричать, мы уже уходим, – блондинка в перекошенной юбке, прикрываясь чемоданчиком, как щитом, бочком прошла в дверь.

А брюнетка, ретируясь, доверительно шепнула скандалистке:

– Не ревнуй, он нам не дался!

Хлопнула дверь. Пепельно-русская оглянулась на звук, удовлетворенно кивнула, потом повернулась к Филу и, хмуря подбритые бровки, неприязненно спросила:

– Ну? Тебе что, особое приглашение нужно? А ну, лети отсюда! Мотылек!

– Простите?

– Считаю до трех, и, если ты не уберешься, будешь просить прощения у сердитых дяденек в милиции! Раз!

Фил окинул нахалку оценивающим взглядом и решил, что на продажную женщину она не похожа: одета, как бедная студенточка, – в джинсы и свитерок, на лице – ни следа косметики, на голове – сиротская прическа «конский хвост», на ногах – уютные домашние тапочки. Они разительно контрастировали с брутальным ароматом крепкого спиртного, который в качестве вечернего парфюма гораздо больше подошел бы так и не явившемуся слесарю.

– А вы, девушка, собственно, кто? – спросил Фил грозно сопящую девицу с веселым недоумением.

– Принцесса Гита! – рывкнула та в ответ. – Приехала из Бангалора, живу в этом самом номере! А ну, геть отсюда, а то будет тебе сейчас восстание сипаев!

– В каком, в каком номере? – переспросил Фил, которому адреналин в крови быстро возвращал нормальную сообразительность.

– В этом! В номере одна тысяча пятьсот шестьдесят семь! – отчеканила «принцесса» гордо, словно упомянутое четырехзначное число обозначало год постройки ее родового замка в индийских джунглях. – Все, проваливай. Мне сейчас не до тебя.

Ее сверкающий взгляд задержался на подушке и затуманился тихой нежностью.

– Я все понял, – с усмешкой сказал Фил, направляясь к выходу.

Он действительно понял: крикливая незнакомка ошиблась номером, и эта случайность могла решить его собственную проблему.

Закрывая за собой дверь, Фил увидел, как пьяная «принцесса» бревном повалилась на кровать, и вежливо произнес в щелку:

– Спокойной ночи!

Покою он совершенно искренне желал не столько незваной гостье, сколько своим вещам и в целом номеру, на двери которого поблескивали цифры один-пять-шесть-пять. Вообще-то Фил был весьма переборчив в знакомствах и не делил постель с кем попало, но в данном случае заблудшая девица в кровати могла кое-как выполнить функции ночного сторожа.

«Для тебя, дорогой, я буду кем угодно!» – вспомнил Фил и ухмыльнулся.

Он немного послушал под дверью и ушел успокоенный.

С такой серьезной охраной в номере можно было не опасаться несанкционированного вторжения: пьяный храп «принцессы Гиты» запросто мог отпугнуть боевого индийского слона.

Назначенная встреча состоялась точно в срок, и уже одно это Фил мог поставить себе в зачет. Однако он не спешил расслабляться и торжествовать раньше времени – важно было не просто встретиться с нужным человеком, но и получить от него информацию.

Нужный человек ждал в баре на первом этаже. Место он выбрал грамотно, как настоящий шпион: в холле было многолюдно, народ беспрестанно сновал от лифтов к входным дверям и обратно, к стойке ресепшена то и дело кто-то подходил – на фоне общей суеты тихий закуток с затененными столиками был абсолютно незаметен. При этом из темного угла, где окопался нужный человек, просторный светлый холл просматривался насквозь. Фил вынужден был сесть к дверям спиной, и это его немного нервировало. Впрочем, его визави тоже волновался: Фил чувствовал это напряжение и отлично понимал его причины. Нужный человек серьезно рисковал, продавая Филу не принадлежащие ему секреты. С беспокойством всматриваясь в затененное раскидистым горшечным растением лицо собеседника, Фил видел, что тот еще не принял окончательного решения.

«Не дай бог передумает! Надо его подбодрить», – озабоченно подумал Фил.

– Я гарантирую, что факт нашего сотрудничества сохранится в секрете, – сказал он, желая успокоить информатора.

Тот нервно хмыкнул:

– Гарантии дает только господь бог! Вы бог?

– Нет, конечно, – Фил скупно улыбнулся, – но люди, которых я представляю, очень и очень могущественны. И им под силу исполнить ваши желания.

– Вы работаете на Золотую рыбку? – усмехнулся его собеседник.

– Пусть будет Золотая рыбка, – добродушно согласился Фил.

– Аллилуйя! – съязвил нужный, но нервный человек.

И Золотая рыбка появилась! За стеклянной лопастью вращающихся дверей солнечно сверкнуло, и в залитый электрическим светом аквариум холла всплыла красивая девица в золотой чешуе от декольте до педикюра, который, впрочем, полностью скрывал хвостатый подол фасонистого платья, – натуральная Золотая рыбка с человеческим лицом! Мужчины в холле провожали ее взглядами, в которых отчетливо читались совершенно определенные желания. И «рыбка» – это как-то сразу чувствовалось – не затруднилась бы их реализовать.

На лице собеседника отразилось смятение, причины которого Фил, сидящий спиной к залу, не понял, но с надеждой подумал: «Он склонен мне поверить. Надо продолжать убеждать его, но аккуратно, мягко, не пережимая». И он сказал:

– Возможно, нынче ситуация нестабильная...

Точно показывая, сколь нестабильна нынешняя ситуация, Золотая рыбка оступилась, пошатнулась и едва не грохнулась на пол, но была вовремя подхвачена под плавничок проходившим мимо мужчиной в военной форме.

– ...Но мы держим ее под жестким контролем, – ничего не видя, закончил начатую фразу Фил. – Все в полном порядке!

– Даст ист орднунг, – прошептал его собеседник, промокнув лоб бумажной салфеткой.

На мужчине, упорядочившем нестабильную девицу, красовалась новехонькая эсэсовская форма. Штандартенфюрер СС щелкнул каблуками. Фигурную тень на лице нужного человека усугубила глубокая задумчивость. Заметив это, Фил хвастливо подумал: «Я нынче убедителен! Еще чуть-чуть...» – и сказал:

– Вы можете быть уверены: как бы ни повернулось, все будет только к лучшему!

Тут Золотая рыбка, на которую его визави смотрел, как загипнотизированный, повернулась к галантному гестаповцу, и это совершенно точно было к лучшему, потому что такого шикарного бюста нужный человек не видел давно. Может быть, даже – никогда.

– Впечатляет, – невольно пробормотал он.

«Я молодец!» – самодовольно подумал Фил.

Оставив красавицу у стойки ресепшена, молодцеватый штурмбаннфюрер целеустремленно проследовал к лифту.

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! – пробормотал нужный человек.

«Шпион созрел!» – узнав цитату из знаменитого кино про разведчика, подумал Фил и решительно протянул руку за сложенными вчетверо бумажными листами.

Созревший шпион отдал бумаги без возражений.

– Отлично, – пробежав глазами первый лист, кивнул Фил и поднялся. – Оговоренная сумма будет перечислена на ваш счет в течение десяти минут. Рад был знакомству. Мои наилучшие пожелания.

– Юстас – Алексу, – хмыкнул уже ненужный человек и зябко вздрогнул.

Уходя, Райка сказала, что она вернется не скоро, и я полагала, что мы с ней увидимся только утром. Завтрак моя подруга еще никогда не пропускала – кофе с тостами под увлекательный рассказ об очередном ночном приключении она почитала за священный ритуал.

Сама-то я утренний прием пищи запросто могла проспять. Желтая бодяга, выпитая в баре, оказалась таким великолепным снотворным, что даже Нюнина наивная вера в чудодейственную силу валерьяновых капель сильно поколебалась. Засыпая, я слышала, как моя тихоня бормочет: «Надо узнать название этого напитка и держать его при себе на будущее». В тот момент мне казалось, что никакого будущего у меня уже нет: сон, в который я погружалась со скоростью утопающего кирпича, был темным и тихим, как средневековый склеп.

Однако пробуждение мое случилось раньше, чем наступило утро. Сначала громко хлопнула входная дверь. Я услышала шум, но не проснулась, только спрятала голову под подушку. Потом меня потянули за ногу, и я волей-неволей вынырнула и из-под подушки, и

из сонных глубин. Тяпа моя выплыла на свет божий раньше и уже сердито интересовалась, чьих это рук дело – принудительное спасение утопающих?

– Раиса, у тебя нет совести! – зевнув, провозгласила я бесспорную истину, однако замечание попало не по адресу.

У кровати, дергая меня за щиколотку, обнаженную задравшейся штаниной, высился незнакомый гражданин.

– Ночной грабитель! – ужаснулась Нюня.

– Сексуальный маньяк! – взволновалась Тяпа.

– Чего вам надо?!

Мигом проснувшись, я в панике забила в угол кровати и подобрала под себя ноги, предварительно лягнув свободной незнакомого гражданина, намерения коего были мне не ясны, но заранее неприятны.

– Я спать хочу, – с подкупающей честностью сказал он.

– Точно, маньяк! – уверилась Тяпа и жестко отбрила: – А я не сплю с кем попало!

– В таком случае я попросил бы вас покинуть мою кровать, – мило улыбаясь, сказал незнакомец.

– В каком смысле? – растерялась я.

– В прямом. Вы залегли в спячку в моей постели. В принципе, я не против предоставить ночлег милой даме с хорошими манерами, но это, кажется, не про вас. Вы так нагло вломились в мой номер и так решительно выгнали из него меня! – уже откровенно потешался мужик.

Я протерла глаза и осмотрелась, проверяя шокирующее заявление, что данный номер не является моим. В убранстве помещения никаких отличий не было – те же полосатые обои, тот же синий ковер, те же пестрые шторы и покрывало. Только флаконов и баночек с кремами на подзеркальном столике не видать, и кроватей не две, а всего одна, большая.

Я соскочила с нее, спотыкаясь, пробежала по ковру и выглянула за дверь: цифры на стене рядом с нею складывались в комбинацию, немного отличающуюся от той, которая была записана в моей карточке гостя.

– О боже! – я обернулась к настоящему хозяину номера и молитвенно прижала руки к груди. – Ради всего святого, простите меня! Не понимаю, как я могла так ошибиться! Мне очень стыдно, простите!

– Простите – и все?

Тут в моей памяти, все еще затуманенной алкогольными парами, наступило прояснение, и я вспомнила, что выгнала из номера не только этого мужика, но и каких-то полуголых девиц, раздевшихся явно не для того, чтобы спастись от перегрева. Мгновенно возникшая мысль о том, что в качестве компенсации за испорченный праздник жизни обиженный незнакомец может потребовать определенных услуг от меня, парализовала Нюню и мобилизовала Тяпу:

– А чего вам еще? Медаль на шею?!

Не дожидаясь реакции на этот откровенно хамский выпад, я выбежала из чужого номера и заскочила в свой (предварительно убедившись, что на этот раз циферки у двери правильные). Циферки были те, что надо, но дверь оказалась не заперта, и в помещении царил такой беспорядок, что я усомнилась – а туда ли я попала?

– Мамочка моя! – ахнула Нюня. – Ну, Раиска дает!

Гардероб был распахнут, чемоданы открыты, а их содержимое валялось на полу. Картина была жуткая, но мне уже случалось видеть нечто подобное в студенческие годы, когда мы с подругой вместе жили в общежитии. Если Райка, собираясь на свидание, в спешке не могла найти в нашем общем шкафу нужную ей вещь, она бесцеремонно вываливала на пол содержимое всех полок. Тогда уютная девичья комната превращалась в подобие вещевого

склада Армии спасения, разбитого шальным артиллеристским снарядом, а наводить порядок потом приходилось мне одной.

– Хоть бы дверь закрыла перед уходом, шалава! – ворчала Нюня, пока я собирала и складывала на место свои и Райкины одежды.

Я с большой степенью вероятности угадывала, как развивались события: очевидно, постельная битва за каравай Райку отнюдь не измотала, и она унеслась на другое свидание, а потом – после перемены декораций и костюма – еще и на третье, причем ужасно спешила.

– И тут ее как раз можно понять, – вступилась за торопыгу Тяпа. – Ты ведь уже знаешь, что по части постельных дел конкуренция в этом отеле невероятно высокая!

Кое-как – без особого усердия – я привела в относительный порядок наше временное обиталище, после чего твердо вознамерилась объявить отбой и отправиться, наконец, на боковую. Я умылась, переоделась в пижамку, нанесла на лицо косметическую масочку из голубой глины – и тут обнаружила, что входная дверь не запирается: что-то случилось с замком.

– Вот ведь гадство какое! – забубнила Тяпа.

Она была еще дееспособна, а вот неженка Нюня нас уже покинула. Мне тоже страстно хотелось обнять подушку, только боязно было спать с открытой дверью. Борясь со сном и подступающими слезами досады, я потерла глаза и от нечего делать позвонила дежурной по этажу. Эта добрая женщина участливо выслушала плаксивый рассказ о том, как страшно мне, одинокой усталой бедняжке, погружаться в объятия Морфея в номере с испорченным дверным замком, и пообещала что-нибудь придумать.

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали.

– Открыто! – крикнула я, не сумев в полной мере скрыть свою досаду по этому поводу. – Войдите!

– Войду, и еще как! – игриво шевеля бровями и бицепсами, пообещал смазливый юноша атлетического телосложения.

Его выразительная пантомима мне не понравилась.

– Вам чего, товарищ? – с подозрением спросила я, собирая в пучок на горле воротник пижамы.

– Чего изволите! – сказал он. – Я все могу.

– И замок починить?

– Какой замок?

Юноша воззрился на меня с нескрываемым удивлением. При этом взгляд его сфокусировался в районе моего пупка, где не имеют никаких запорных механизмов даже заводные куклы.

– Может, он думает, что ты в лучших средневековых традициях носишь под пижамой железный пояс верности? – некстати развеселилась Тяпа. – И это у него неисправен замок?

– Послушайте, товарищ! – сердито сказала я. – Я не знаю, кто вы такой...

– Можешь звать меня Андрюшей, – без приглашения внедряясь в номер, ласково предложил товарищ. – Хотя для тебя я буду кем угодно.

– Дорогой Кто Угодно! А не пошел бы ты... – я не закончила начатую фразу, вовремя сообразив, что матерный посыл игривый юноша может истолковать буквально, и тогда мне снова придется отбиваться от жадных мужских рук ногами. – Туда, откуда пришел! Мне сексуальные услуги не нужны.

– Это нужно всем! – взглянув на меня с ласковой жалостью, убежденно сказал Андрюша.

– Такое ощущение, что для секс-тружеников в этом отеле проводились внутрикорпоративные семинары по улучшению продаж! – не без уважения пробормотала разбуженная Нюня. – Смотри-ка, какие они все тут настойчивые!

А изобретательная Тяпа шепотом посоветовала:

– Если хочешь от него отвязаться, скажи, что тебя не интересуют мужики, потому что ты лесбиянка! Судя по реакции девицы Кати, такие узкопрофильные специалистки у них тут редкость.

Это сработало: узнав о моей нетрадиционной ориентации, ласковый хлопчик Андрюша загрустил и удалился. А я подперла незакрывающуюся дверь тяжелым комодом и, окончательно исчерпав жизненные силы этим оригинальным физкультурным упражнением, завалилась спать.

Леву разбудило нудное писклявое нытье, исполненное такой безнадежной тоски, что ее можно было простить только будильнику, надорвавшемуся в тщетной попытке пробурить бронированные барабанные перепонки хозяина.

– Чтоб ты сдох! – пробормотал Лева.

Не открывая глаз, он охлопал тумбочку и с третьей попытки попал-таки по будильнику, но нервирующее завывание не прекратилось. Лева разлепил ресницы и увидел, что будильник ни при чем. Пищал и ныл кот, застрявший в слишком узкой для него щели двойной оконной рамы.

– Чтоб ты сдох! – гораздо более энергично повторил Лева, кособоко поднимаясь с постели.

Кота хотелось убить. Это желание было не новым: Лева боролся с ним уже полгода – с того самого момента, когда очаровательный котенок, принесенный Веруней для украшения сурового холостяцкого быта, обмочил его любимые домашние тапочки из белой замши. Тогда только чудо спасло злобное животное от страшной участи – превратиться в пару прелестных меховых помпонов для испоганенной им обуви. Улепетывая от разъяренного хозяина, котенок выскочил на балкон, с разбегу пролетел в десятисантиметровую щель под ограждением и в свободном падении ухнул с пятого этажа. Мстительный Лева счел случившееся проявлением высшей справедливости и ощутил укоры совести не сразу, а где-то через час – аккурат перед тем, как пришла соседка, обнаружившая чужого котенка барахтающимся в вывешенном на просушку пододеяльнике.

Веруня нарекла кота Барсиком, но Лева называл его Убытком. Получилось красиво и не без аристократизма: Барсик Убыток Левин. Правда, один знакомый интеллигент семитохамитских кровей ехидно сказал Лева, что триединое имя его кота отчетливо дышит вековой еврейской тоской, и посоветовал для пущей аутентичности нарисовать на кошачьей спине звезду Давида. Экстерьеру Барсика Убытка и в самом деле не хватало ярких акцентов: его шкура была грязно-белой, с одним-единственным бледно-серым пятном. Этого дефекта кот, похоже, стеснялся и старался его скрывать – никак иначе Лева не мог объяснить привычку Убытка при первой же возможности валиться на запятнанный правый бок и лежать так, не вставая, сколь возможно долго. Впрочем, эту манеру своего питомца Лева только приветствовал: пока Барсик Убыток (сокращенно – Буба) мирно лежал на боку, они оба были застрахованы от неприятных происшествий.

Увидев, что хозяин проснулся, Буба занял на два тона громче.

– Какого черта ты туда полез? – с досадой спросил Лева, вытаскивая своего бестолкового приятеля из стеклянной ловушки.

– Мя-я, – виновато проблеял спасенный кот.

Он сел на хвост, изумленно оглядел свои бока, сделавшиеся одинаково серыми, и принялся вылизываться – неуверенно, без энтузиазма, явно надеясь, что хозяин скажет: «Да брось ты, к чему это пижонство? Пойдем лучше завтракать!»

– Ну, хоть пыль со стекол вытер, уже хорошо, – пробормотал Лева, привычно находя плюсы в любой ситуации. – Да брось ты, к чему это пижонство? Пойдем лучше завтракать.

Буба мгновенно поднялся и резво потрусил на кухню. Когда туда пришел Лева, предварительно заглянувший в санузел, кот уже сладко спал на эмалированном противне, сиротеющем в углу после окончательного ухода хозяйственной Веруни. Эта картина Леву неизменно умиляла. Было приятно воображать, будто Буба раскаивается во всем содеянном и смиренно принимает роль мясного полуфабриката, готового окончить свой многогрешный жизненный путь в огненной геенне духового шкафа.

– Глядя на тебя, я неизменно задаюсь вопросами, – протягивая руку к жестянке с кофейными зернами, сообщил Лева.

Кот открыл один глаз, поощряя его продолжать.

– И вопросов у меня два: зачем ты пришел в этот мир и почему так долго в нем задержался?

– Мя, – укоризненно скрипнул Буба и снова закрыл глаза.

Он хорошо знал, что получит свой корм не раньше, чем Лева выпьет первый глоток кофе, и научился безошибочно разбираться в звуках, производимых кухонной техникой. Треск и рычание – это кофемолка, жужжание – кофеварка, журчание – готовый кофе, писк – холодильник, небрежно оставленный открытым во время добавления в чашку молока. Лева пригубил свой кофе, протянул руку к кухонному шкафчику и замер, с интересом наблюдая за Бубой. Кот сел и облизнулся. Лева не шелохнулся.

– Мя! – недовольно вякнул Буба, поднимая глаза на хозяина, нарушающего заведенный порядок.

– Вот скажи мне, если ты такой умный, то почему такой балбес? – открывая шкафчик, поинтересовался Лева.

Буба высокомерно молчал, пристально глядя на пачку кошачьего корма.

– Мне показалось, или кто-то имел наглость сказать: «На себя посмотри!» – обернулся к нему Лева.

Буба мудро молчал.

– Ну, то-то! – сказал его хозяин и щедро наполнил кошачью миску вонючими сухарями. – Как ты это жрешь каждый день, я не пойму...

У самого Левы на завтрак были детские йогурты и творожные сырки «Рыжик-пыжик», в немалом количестве собранные им в трех продовольственных супермаркетах города, где проводилась рекламная акция с бесплатной раздачей образцов продукции.

Лева Королев, известный читателям популярного молодежного еженедельника «ГородОК» под горделивым псевдонимом Король Лев, специализировался на репортажах с мероприятий разной степени культурности и вел супервостребованную авторскую рубрику «Халява, плиз!». Лева лучше всех знал, когда, где, в каком количестве и на каком основании в городе и его окрестностях будет производиться раздача слонов и подарков. Наладив разветвленные контакты с многочисленными рекламными агентствами, коммерческими отделами и специалистами по продвижению, Королев развернул свою информационную сеть во всю ширь и поднаторел в сборе разнообразных бонусов до такой степени, что сумел существенно сократить денежные затраты на ведение личного хозяйства. На данный момент прожиточный минимум Левы почти сравнялся с его журналистской зарплатой, каковое достижение являлось несбыточной мечтой всех его коллег по цеху, не исключая высоко оплачиваемого главного редактора.

– Миллион, миллион, миллион алых роз! – раздольным голосом молодой и полной сил Аллы Борисовны запел прерывного действия динамик на столбе, торчащем из-за забора соседнего санатория. – Из окна, из окна, из окна видишь ты!

Если бы Лева выглянул из окна, то увидел бы миллион алых булыжников, составляющих каменистый пляж, залитый теплой кровью утреннего солнца. На рассвете он пустовал,

только между штабелей деревянных лежаков бродила, собирая вещички, с вечера забытые легкомысленными отдыхающими, жадная до любой поживы бабка из местных.

– Мя? – неожиданно вякнул кот, вынув из миски с кормом припорошенную крошками морду.

В сухой присыпке голубоглазый бледнолицый Буба походил на веснушчатую сиротку из русской сказки – не хватало разве что красного, в белый горох, платочка на голове. Повеселевший после кофе Лева затеял было приладить коту головной убор из льняной салфетки, но протестующий мяв поддержал трезвон в прихожей, и веселые игры пришлось отложить.

– Кто там? – шагая к двери, с подозрением спросил Королев.

Он любил гостей, но с большим недоверием относился к визитерам, являющимся до полудня. Девахи, периодически согревающие одинокого Леву своим душевным и физическим теплом, обычно появлялись ближе к вечеру, как и друзья-приятели из редакции и рекламного бизнеса, – этот народ непреодолимо тяготел к божественной жизни, проистекающей в основном во мраке ночи. А кто мог прийти с утра пораньше? Измученный бессонницей сосед, желающий в очередной раз прочесть Лева лекцию о недопустимости нарушения замшелых правил человеческого общежития. Горластая тетка из жэка, собирающая деньги на новую серию бесконечного ремонта. Очередной провинциальный родственник, просто-душно полагающий, будто Лева будет счастлив предоставить бесплатный кров на время его отпуска.

Когда Лева унаследовал бабушкин домик у моря, отростки разветвленной корневой системы его генеалогического древа, широко разбросанные по просторам России, получили могучий импульс для пучкования. С приближением лета родичи начинали испытывать непреодолимую тягу к общению с Левой и пускались в путь на юг, как перелетные птицы – целыми стаями. Лева не сильно удивился бы, увидев под дверью двоюродного брата Петруню из Сыктывкара с женой и тремя детьми или троюродную тетю Аглаю из Вологды с собачкой и попугайчиком. Сыктывкар и Вологда раньше других ощущали позыв к перелету на юг. В Сыктывкаре и Вологде в апреле еще не стоял снег, а у Левы термометр в семь утра показывал плюс пятнадцать.

– Даже плюс шестнадцать! – с сожалением отметил Лева, мимоходом взглянув за окно.

Он сложил губы в кисло-сладкую улыбку фасона «Здравствуйте, гости дорогие!» и распахнул дверь.

О чудо! За ней не было ни дяди Пети с чадами, ни тети Аглаи с домочадцами! На лохматом коврике с полустертой ногами незваных гостей лживой надписью «Добро пожаловать!» зябко переминалась босоногая простоволосая дева в подобии сарафанчика из вискозного парео. Полупрозрачный платок скорее подчеркивал, чем скрывал выразительный контур стройного девичьего тела. Лева, настроившийся увидеть бородатого кузена в пухлых сыктывкарских мехах, подавился ритуальной репликой «Сколько лет, сколько зим!» и смущенно закашлялся.

– Прив-ве-вет! – простучала зубами дева, бесцеремонно просачиваясь в прихожую. – А я м-ми-мимо шла, дай, ду-ду-думаю, зайду к хорошему человеку на огонек.

В смородиновых глазах Левы вспыхнули сразу два огонька: он узнал незваную гостью. Позавчера эта знойная красotka сама подошла к нему на набережной с откровенно провокационным вопросом: «Как пройти в библиотеку?» Хваткий Лева вызвался нарисовать подробный план маршрута в храм культуры и с этой благородной целью привел деву к себе – благо, благословенный бабушкин домик стоял в двух шагах от набережной. Естественно, чертежными работами дело не ограничилось, и эта случайная встреча оставила в памяти Левы массу приятных воспоминаний. Он только имени красавицы не запомнил. Маша? Даша?

– Да называй, как хочешь! Для тебя я буду кем угодно! – Милая дева великодушно отмахнулась от неудобного вопроса своим пламенным парео.

Оно было ярко-красным в белый горох – именно о таком платке Лева думал минуту назад, мысленно подбирая недостающий аксессуар для веснушчатого голубоглазого Бубы. Внутренний голос вкрадчивым шепотом беса-искусителя тут же подсказал ему, что это совпадение не случайно. Девушку, которая буквально соткалась из мимолетной мечты, имело смысл задержать в своей жизни хотя бы для того, чтобы оценить степень эфемерности дивного видения опытным путем плотного физического контакта!

– Ты не возражаешь, если я лягу? – спросило тем временем дивное видение, сбрасывая на диван мухомористое парео и являя Лева еще пару веских аргументов в пользу похвального гостеприимства.

– Моя постель – твоя постель! – пылко заверил ее Лева.

– Я в тебе не ошиблась, добрый человек! – с признательностью резюмировала красавица, забираясь под одеяло.

Похоже, она тоже не запомнила Левино имя.

– Девичья память! – хмыкнул Королев.

По его мнению, склероз красавицу не портил. Склероз – не сколиоз!

– Брысь, животное! – шикнул засуетившийся Лева на кота, некстати разлегшегося на полу в ванной.

Наскоро освежившись, он вернулся в спальню в стильном саронге из банного полотенца и с изумлением увидел, что утренняя гостья сладко спит, разметав по одеялу белые руки, а по подушке – черные косы. Лева присел на край кровати и озадаченно поскреб свежевыбритый подбородок. Кудри Маши-Даши были мокрыми и отчетливо пахли морем.

– Дельфин и русалка – они, если честно, не пара, не пара, не пара! – злорадно заорал на улице припадочный санаторский динамик.

– Тс-с-с! Не каркай! – цыкнул на него Лева и поспешно закрыл окно.

На спящую красавицу у него были совершенно конкретные виды – из тех, которыми славны в народе красочные развороты «Плейбоя».

К завтраку меня никто не разбудил, и проснулась я голодная как волк.

– Как два волка! – поправила Тяпа.

Стеснительная Нюня робко молила дать ей кофе или яду. Я не поняла, какой вариант был предпочтительнее.

Посмотрев на часы, я обнаружила, что время утренней кормежки давно прошло, а до обеда еще огорчительно далеко. При таком раскладе спасение голодающих могло стать только делом рук пекаря из ближайшей хачапурной. Наскоро ополоснувшись под душем, я быстро собралась к выходу и, только увидев преграждающий путь комод, вспомнила о неисправном замке. Позвонив сменщице вчерашней дежурной по этажу, я выяснила, что она в курсе моей проблемы и ждет слесаря. На мое счастье, нужный мне специалист (не какой-нибудь смазливый самозванец с обнаженным торсом и в приспущенных джинсах, а молчаливый старичок с полным ящиком полезных железяк) не замедлил явиться. Он починил замок так быстро, что я не погибла в страшных муках, захлебнувшись голодной слюной, и вскоре уже заняла место за столиком под полотняным навесом уличного кафе.

Яичный желток в хачапури по-аджарски был ярким и круглым, как поднявшееся солнце, а кофе по-восточному – крепким и черным, как моя зависть к беззаботным курортникам, возлежащим в шезлонгах у бассейна. Море было еще слишком холодным для купания, но ярко-голубая водица в бассейне с подогревом курилась паром. К сожалению, с учетом полученных вчера солнечных ожогов, сегодня я не могла ни плескаться, ни загорать. Здравый смысл голосом Нюни советовал мне отмокать исключительно в свежем кефире,

а голосом Тяпы требовал держаться подальше от яростного ультрафиолета и химической жижи бассейна.

Про состав бассейновой воды мне очень много нехорошего рассказывала Раиса.

– Будешь плавать в общественном бассейне – кожа станет сухой и сморщится, волосы поредеют и выпадут, ногти начнут слоиться, а глаза покраснеют. Про то, сколько вредных бактерий ты проглотишь, я уж и не говорю! – запугивала она, опрыскивая себя в тени аэрирования деионизированной термальной водичкой из бутылки с распылителем. – Запомни: плавать в бассейне – вредить красоте и приближать старость!

Я хорошо знала, что спорить с упрямой подружкой – приближать свою смерть, но и отказаться от удовольствия поплескаться в теплой водичке не могла. Поэтому бегала поплавать и повредить своей красоте втайне от Райки – пока она поправляла здоровье в чужих кроватях.

Вспомнив о подруге, я ощутила легкое беспокойство: куда же она запропастилась? Даже завтрак пропустила, невиданное дело... А ведь регулярный прием пищи в Райкином комплексе оздоровительных процедур занимает почетное второе место после постельных!

Неожиданно мое волнение как будто материализовалось: в части водного комплекса, где размещались аттракционы аквапарка, началась какая-то нездоровая суеда. С приподнятой над основным бассейном террасы кафе мне были хорошо видны разноцветные пластмассовые горки, грибочки и вышка для прыжков. Обычно в это время дня они пустовали, так как аквапарк открывался только в полдень, зато потом работал до полуночи, звуками разнужданного веселья мешая спать добропорядочным отдыхающим. Признаться, меня радовало, что окно нашего номера выходит на другую сторону и я лишена сомнительного удовольствия созерцать вакханалии пенных дискотек.

По утрам в обход неправильной формы бассейна бродили только кроткие тетki с метлами и совками и мужики с сачками для ловли мусора. Сегодня все было иначе. Я насторожилась, оценив скорость перемещения обычно неторопливых уборщиц, и откровенно встревожилась, увидев подкативший к вышке фургон «Скорой». Следом за ним приехала машина милиции. Выбравшиеся из нее служивые в компании встретивших их охранников подошли к воде и некоторое время с пасмурными лицами всматривались в синюю глубину. Потом какие-то загорелые парни полезли в воду.

Народ у бассейна тем временем тоже понял, что происходит неладное. Люди вставали с шезлонгов и, озабоченно переговариваясь, засматривались поверх ограды на территорию аквапарка. У ворот, ведущих с площадки у бассейна к катальным горкам, встал дюжий парень с непроглядно хмурой физиономией, который останавливал и разворачивал назад любопытных.

Разумеется, мне тоже очень хотелось знать, что происходит.

– Простите, вы не знаете, что там случилось? – спросила я официантку, которая принесла мне счет.

– А что там могло случиться? – Женщина почти равнодушно посмотрела на бассейн. – Опять какой-нибудь пьяный идиот в темноте полез купаться да и утонул!

По ее словам и тону можно было понять, что для аборигенов данная трагическая ситуация не нова, но моя чувствительная Нюня ахнула:

– Что вы говорите! Такое уже бывало?!

– Да такое, почитай, каждый месяц бывает! – хмыкнула женщина, неторопливо отсчитывая мне сдачу. – Только на мартовский праздник мужик утоп. Бизнесмен крутой, а туда же: водки нажрался и пошел куролесить! Красовался перед подругами – сигал с пятиметровой вышки вниз головой. Ну и, видать, неудачно нырнул, оглушило его, захлебнулся и пошел на дно. А девки его тоже пьяные были, какая от них помощь? В общем, отряд не заметил потери бойца. Дядя Вася, наш уборщик, его выловил поутру, уже мертвого.

– Жуть какая! – Я содрогнулась и подумала, что Раиса перечислила мне далеко не все страхи и ужасы бассейновых купаний.

Аппетит у меня пропал, хачапури я не доела и пошла в народ, чтобы узнать последние новости.

Бассейн, в котором еще полчаса назад было бы тесно истощенной кильке, пустовал. Граждане отдыхающие кучковались вблизи шезлонгов, опасливо поглядывая в сторону вышки и обсуждая случившееся. Постояв возле одной группы, я узнала, что этой ночью в глубоком бассейне под вышкой для прыжков в воду утонула женщина. Потолкавшись в другой компании, я услышала, что погибшая была молодой и красивой – мужчины с острым сожалением упоминали о ее замечательной фигуре. В третьей группе граждане знали даже некоторые подробности, а именно, что фигуристую прыгунью на глубине затянуло в открытую сливную трубу. Но даже у этих наиболее хорошо информированных граждан были вопросы. Как случилось, что защитная решетка на трубе была открыта? Почему никто из людей, резвившихся на пенной дискотеке, не заметил, как девушка забралась на лестницу, проход на которую с наступлением ночи, как обычно, был перекрыт застопоренным турникетом? Впрочем, этими вопросами наверняка уже задавались люди из следственной группы. Простых парней из нашей околобассейновой тусовки удивляло другое: как несчастная вообще поместилась в эту трубу – с таким-то бюстом?!

– А что за бюст? – заволновалась я.

– Во! – сразу несколько мужиков, вытянув руки перед грудью, с готовностью показали размеры воистину выдающегося бюста.

Кто-то из дам завистливо цыкнул, а я охнула и, чтобы не упасть, оперлась на вытянутые руки ближайшего джентльмена. Лаконичное описание «молодая фигуристая красотка с большим бюстом» идеально подходило моей подруге Раисе!

– Б-б-брюнетка? – заикаясь от волнения, с трудом вымолвила я немеющими губами.

Кто-то из наиболее хорошо осведомленных подтвердил, что волосы у утопленницы действительно были черные, длинные. Я закрыла глаза и застонала. Народ вокруг быстро сообразил, что убиваюсь я неспроста, и под сочувственное перешептывание меня под белы ручки проводили к шезлонгу. Однако я не стала расслаживаться.

– Не время нюни распускать! – остервенело рявкнула Тяпа, подгоняя меня мысленными пинками.

Сердце окаменело и ухнуло в пятки – наверное, поэтому походка моя стала неровной. Тем не менее на прямой к воротам в аквапарк я сумела развить приличную скорость.

– Но-но, девушка, потише! – заблаговременно крикнул мне мускулистый гигант, стерегущий проход к месту ЧП.

Будь охранник помельче, я сбила бы его, как кеглю, но совладать с человеком-горой мне было не под силу.

– Вам туда нельзя! – крикнув и лишь слегка пошатнувшись, сказал он, когда я с разбегу врезалась в его клетчатый живот. Словно я была микроскопической вредоносной бактерией, вознамерившейся незаконно проникнуть в желудочно-кишечный тракт здоровяка!

– Мне туда надо! – возразила я, топчась и подпрыгивая на его длинных, как лыжи, ступнях. – Я должна увидеть женщину, которая утонула!

– Вот народ! – гигант вздохнул и покрутил башкой, точно бык, на холку которого присел слепень. – Типа, вам больше посмотреть не на что? Гуляйте, девушка! Посторонним вход воспрещен.

Каменно-тяжелые руки взяли меня за плечи твердо и аккуратно, как стальные манипуляторы лабораторного робота – пробирку со смертельным ядом, и я против воли совершила поворот на сто восемьдесят градусов. Сообразив, что в следующее мгновение совко-

вая лопата великанской ладони наладит мое движение в обратном направлении, я отскочила в сторону и с относительно безопасного расстояния плаксиво выкрикнула:

– А я, может, и не посторонняя! Я, может, лучшая подруга утопленницы!

– Звучит гордо, – сухо произнес новый голос.

Я огляделась и высмотрела в группе тонких березок тощего лопухого юношу с граблями. Со своим длинномерным инструментом он прекрасно маскировался на местности, однако прозвучавший твердый голос этому шуплому парнишке совсем не подходил.

– Артем Петрович, здравия желаю! – непоколебимый великан поспешно подвинулся.

Из-за его широкой спины выступил совершенно обычный мужик лет тридцати пяти – среднего роста, нормального телосложения, заурядно подстриженный и неброско одетый. Его лицо наверняка понравилось бы ленивому театральному гримеру: такую натуру можно было минимальными усилиями и средствами превратить хоть в мужественный лик положительного героя, хоть в отталкивающую физиономию закосневшего в пороках негодяя. Не лицо, а чистый холст: рисуй, что захочешь! Как сказала бы Райка – «сырой материал». Вот только глаза у этого заурядного типа были неподходящие: очень светлые, дымчато-серые, совершенно колдовские. Взглянув в них, я почувствовала себя измученным долгим восхождением альпинистом, который в неустойчивом равновесии замер на самой вершине Джомолунгмы, замороженно всматриваясь в сизый туман над пропастью. Самоубийственное желание кануть в манящую бездну парализовало Тяпу и подкосило Нюню. Меня даже качнуло!

– Саша, пропусти гражданочку, – без тени эмоций распорядился Артем Петрович, закрывая глаза темными очками и вновь превращаясь в абсолютно заурядного типа. – Слушаю вас, девушка. Вы кто будете?

Впечатление, произведенное на меня бесстрастным Артемом Петровичем, сильно не понравилось гордячке Нюне.

– Ну, чисто кролик перед удавом! – едва очнувшись, досадливо упрекнула она меня и тут же сделала попытку переломить ситуацию, задействовав все наши резервы наглости:

– Что значит – кто я буду? Вас моя следующая жизнь интересует?

– Меня интересует не ваша жизнь, а ее смерть, – едко ответил Артем Петрович.

И я сдулась, как пробитый воздушный шарик.

– Понимаете, у меня подруга пропала! – кривя губы и прижимая к груди подрагивающие руки, сбивчиво объяснила я. – Мы с ней в одном номере живем, а она этой ночью не пришла. Я ужасно беспокоюсь!

– Только потому, что подруга ночевать не пришла? – Артем Петрович цинично усмехнулся. – Может, ее пустили переночевать добрые люди! Подруга, что, тоже хорошенькая?

– Не то слово! – с жаром воскликнула я, не сразу сообразив, что собеседник подарил мне комплимент.

За это польщенная Нюня тут же предложила лишить его непочетного звания Мистер Заурядность. Обыкновенно мужчины не засыпают меня похвалами: по пятибалльной шкале (если принимать за максимум Клаудиу Шиффер, Мэрилин Монро и Пэрис Хилтон) моя наружность тянет на три с плюсом. А вот Раисе с ее новодельным бюстом и ухоженной парикмахерской гривой вполне можно поставить пять с минусом – и то лишь потому, что она не блондинка.

– Моя подруга – красивая длинноволосая брюнетка с роскошной фигурой! – сообщила я Антону Петровичу.

Тут Мистер Незаурядность сухо крикнул – словно веточка под каблуком сломалась – и сменил насмешливый тон на более любезный:

– Хорошо, давайте поговорим.

Он слегка качнул головой, и громилу отнесло в сторону, как невесомую пушинку.

– Интересно было бы узнать, кто он такой? – заинтересовалась личностью Артема Петровича моя бойкая Тяпа.

– А вы кем будете? – дерзнула спросить я, заимствовав его собственную формулировку.

– Когда-нибудь, надеюсь, генералом, – усмехнулся Артем Петрович.

– Мент! – убежденно шепнула мне Тяпа.

– Или сотрудник спецслужбы! – взволнованно выдохнула Нюня.

– Да какая, блин, разница! – шикнула я на них. – Что менты, что фейсы – одна порода. И те и другие парни крученые, от них хорошо бы держаться подальше...

– Да, да, неподходящая это компания для приличной молодой девушки, – закручинилась Нюня.

– Из хорошей индийской семьи, – язвительно пробормотала Тяпа. – Короче, бангалорские принцессы! У вас комплексов больше, чем в студенческой общаге тараканов! Давите их, или не будет вам счастья! В двадцать восемь лет некоторые девушки уже по третьему разу замуж идут, а кое-кто из присутствующих всего лишь однажды развелся!

На это Нюня обиженно вякнула, что счастье девушки из приличной семьи крученые парни из силовых структур составить никак не могут, а Тяпа в ответ с дурным намеком помянула свинью, которая безрезультатно роется в апельсинах. Тема была интересная, но я решительно пресекла дискуссию, напомнив спорщикам, что у нас тут не боевой поход за мужскими скальпами. Я ожидала, что мне покажут мертвое тело, и собрала всю волю в кулак, чтобы не грохнуться в обморок еще до того, как я опознаю (или не опознаю – это было бы гораздо лучше!) в утопленнице свою пропавшую подругу. Однако ничего более страшного, чем сеанс акупунктуры с пронзительным стальным взглядом вместо иглы, мне испытать не довелось.

Уединившись под сенью большого полосатого зонта, мы с Артемом Петровичем просто поговорили. Причем, загипнотизированная и замороженная дымным и необоримым, как отравляющий газ, взглядом будущего генерала, я с большим опозданием поняла, что обмен информацией был произведен по крайне невыгодному для меня курсу. Я вкратце изложила собеседнику десятилетнюю историю наших с Райкой взаимоотношений и при этом выдала подруге полную характеристику, какой не требовалось даже для вступления в ряды КПСС. А в ответ получила только веское, но абсолютно неконкретное обещание, что те, кто надо, встретятся со мной, если будет нужно. А погибшую женщину мне вовсе не показали!

– Не стоит вам на это смотреть, – экранируя свой сильнодействующий взгляд непроницаемыми стеклами, безапелляционно заявил Артем Петрович в финале нашей встречи – такой же короткой и результативной, как товарищеский матч национальной хоккейной сборной и команды престарелых ветеранов параолимпийских игр.

Мои робкие возражения услышаны не были. Незаурядный Артем Петрович мгновенно растворился в густой тени под катальными горками, а его дрессированный бронтозавр молча выдавил меня за ворота.

От обиды за себя и тревоги за Раису я разревелась и побрела прочь, не разбирая дороги. Слезы мои были такими едкими, что хваленая водостойкая тушь не выдержала и потекла с ресниц селевым потоком. Это очень плохо сказалось на остроте моего зрения. Не пройдя и десяти шагов, я наткнулась на какую-то жесткую конструкцию, ойкнула и услышала в ответ металлический лязг, деревянный стук и скрипучий бабий голос, сердито поинтересовавшийся:

– Ну, куды ты скочишь?! У тя повылазило?!

– Прости-и-и-ите! – покаялись мы с Нюней, тоскливым коровьим ревом заглушив хамскую реплику Тяпы, которая именно выскочила, желая сообщить сердитой бабуле, что не ей, плешивой, заикаться о том, у кого что повылазило.

Я присела, помогая бабушке поднять упавшую швабру и перевернувшееся ведро.

– Че ревешь-то? – мигом подобрев, спросила бабуса. – На-кась, утрись!

Я послушно промокнула зареванную физиономию мягкой салфеткой, оказавшейся при ближайшем рассмотрении большим лоскутом чистой и непорочной туалетной бумаги, и виновато посмотрела на маленькую старушку в длинном, не по ее росту, синем халате из облегченной джинсы. Нагрудный кармашек щегольской спецодежды украшал значок-табличка с логотипом отеля. Надпись на бейдже гласила: «Таисия, сотрудник клининговой службы».

– По-русски – просто «уборщица», – перевела всезнайка Нюня.

– Небось хахаль обидел? – не дождавшись моего ответа, предположила бабушка Таисия, называть которую по имени я бы постеснялась – на вид старушке было лет сто. – Поматросил да и бросил? Ох, девки, девки... А то вы не знаете, что на морях все мужики холостые, как патроны, а только верить им никому нельзя – враз обдурят! С вечера он соловьем разливается, а утром ласточкой – фьюить! И поминай, как звали!

Типичная жизненная история, лаконично изложенная многомудрой старушкой, была не обо мне, но сочувственный тон меня подкупил.

– Ох, бабушка! – скорбно вздохнула я, собираясь с мыслями, чтобы внятно пожаловаться доброму человеку на свою эксклюзивную беду.

Однако баба Тася не стала меня слушать. Она уже выстроила стройную картину мира и не собиралась ее менять.

– Ну, милая, не ты первая, не ты последняя! – старушка ободряюще потрепала меня по локотку. – Ты, главное, не сильно убивайся! Руки на себя наложить не вздумай, это уж самое распоследнее дело: и тебе лучше не станет, и другим людям сплошные проблемы и неприятное беспокойство. Вона, нынче девка в бассейне утопла – небось тоже не просто так, а по уважительной причине, да только кому от этого хорошо? Теперича воду надо спускать, трубу чистить, да еще крайнего искать, кто решетку на сливе не закрыл. Кого-то уволят, а то и посадят за халатность, директору нашему штраф впаяют, глядишь, и вовсе аквапарк закроют, а скоро высокий сезон, самое время работать, и тут на тебе – всем нам прямой убыток...

Разговорчивая старушка и сама закручинилась, но ее рассказ вызвал у меня не сочувствие, а болезненный интерес:

– Бабушка, а вы эту девушку, которая в бассейне утонула, сами-то видели?

– Да лучше бы не видела! Господи, спаси! – Баба Тася размашисто перекрестилась. – Че там видеть-то? Девка головой прямо в слив угодила, а там водоворот страшный. С ее, бедной, всю одежду посрывало и лицо так побило – живого места не найти! Теперь только в закрытом гробу хоронить, чтобы людей не пугать. А, должно, красивая девка-то была: ножки ладные, бутылочками, попка литая, а уж сиськи-то и вовсе на зависть, хоть и силиконовые.

– Откуда вы знаете, что силиконовые?! – ахнула я, похолодевшей ладошкой спешно подхватывая под собственной незавидной грудью стремительно падающее сердце.

– Оттуда, что у ей под грудями шрамики такие, – эрудированная бабуля сухоньким пальчиком очертила полукруг под своим бейджем.

– Точно, это Раиса! – горестно всхлипнула мне в ухо Нюня.

Мне и самой было ясно, что так оно и есть. Однако, против ожидания, страшная правда не повергла меня ни в обморок, ни в истерику. Наоборот, слезы высохли, плечи распрямились, и баба Тася, удовлетворенная переменами в моем облике, одобрительно сказала:

– Ну, так-то лучше! Давай, девка, не кисни. Держи хвост пистолетом!

– Да, пистолет – это хорошо, – пробормотала Тяпа, провожая удаляющуюся старушку рассеянным взглядом. – Пистолет, пулемет, базака какая-нибудь... Черт, знать бы еще, в кого из них пострелять!

– Девочки, девочки! – заволновалась Нюня. – В кого стрелять, что вы?! Это же называется «самосуд», это уголовно наказуемо!

– Минуточку! – Я соображала медленнее, чем мои внутренние голоса. – Мы сейчас о чем говорим?

– Ты еще спрашиваешь?! Хороша подруга! – возмутилась Тяпа. – Мы говорим о том, что смерть Раисы не должна остаться не отомщенной!

– Нет, лично я как раз категорически против кровавой вендетты! – поспешила заявить законопослушная Нюня. – А вот помочь следственным органам найти убийцу – дело благородное, и долг дружбы определенно требует...

– Секундочку! – ошарашенно попросила я. – Вы что, уверены, что Раиса погибла не случайно?

– Где – в бассейне?! – на редкость дружно фыркнули Тяпа и Нюня.

Они могли не продолжать. Мысль о том, что моя поразительно жизнелюбивая подруга совершила суицид, казалась совершенно нелепой. А что до несовместимых с жизнью ЧП, от которых в этом бренном мире никто, увы, не застрахован, то диапазон фатального при всей его потенциальной широте в Райкином случае был не безграничен. При ее нелюбви, если не сказать – ненависти, к водорастворимым химическим соединениям моя подруга имела минимальные шансы закончить жизнь на дне бассейна!

– Другими словами, очень похоже, что утонуть ей кто-то помог, – резюмировала Тяпа.

– И мы этого так не оставим! – звонким голосом принципиальной пай-девочки добавила Нюня.

Я опустила на гранитный парапет и с недобрым чувством и черными мыслями надолго засмотрелась на огнестрельное украшение курортной набережной – старинную пушку с горкой внушительного вида ядер.

– Алекс!

Лешка подскочил, как ванька-встанька, больно треснулся лбом о верхнюю койку и затейливо выматерился на незабвенном языке предков.

– А еще Оксфорд закончил, мля! – ехидно пробурчал Васька.

Его Нижнетагильский институт физкультуры в высоких кругах ценился не больше, чем церковно-приходская школа, поэтому к выпускникам престижных зарубежных университетов Васька питал стойкую классовую ненависть.

– Базиль!

Услышав вопль шефа, Васька тоже грохнулся с койки, в падении чувствительно задев Лешкино плечо. Штаны бодигард и референт натянули в синхронном прыжке, протопали в ногу и шумно столкнулись в узком проеме.

– Алекс! Базиль! – продолжал блажить шеф. – Вы где, идиоты?!

– Здесь, Егор Ильич! – в один голос браво гаркнули идиоты, ретиво продираясь в дверь хозяйской каюты услужливым двухголовым монстром.

Шеф сидел в постели и так вибрировал от злости, что его вытянутый пистолетным дулом палец тряся, не позволяя точно определиться с мишенью. Фланелевый ночной колпак на лысой голове Егора Ильича содрогался, как орхидея-мухоловка, самонадеянно заглатившая слишком крупного шмеля. Вышитые на постельном белье ромашки колыхались, как живые.

– Это что?! Что это, я вас спрашиваю?!

– Подушка, – ответил смелый, но глупый Васька.

– Идиот! – закатив глаза, проникновенно пожаловался шеф дубовому потолку каюты.

Самолюбивому Алексу не нравилось, когда его обзывали, поэтому он не стал спешить с ответом.

– Это? – Он осторожно приблизился и обшарил преувеличенно озабоченным взглядом ромашковую поляну хозяйской постели.

Найдя единственный посторонний предмет, он только тогда авторитетно сказал:

– Это волосок.

– Я вижу. Чей?! – истерично взвизгнул раздерганный шеф.

– Может, ваш? – простодушно ляпнул глупый Васька.

– Идиот! – со вздохом повторил плешивый шеф, по-прежнему обращаясь к дубовым балкам.

Голос его сделался тихим, почти ласковым, что однозначно предвещало бурю. Алекс понял, что сейчас начнется дикий ор, и поспешил вмешаться, при этом, в отличие от дуболома Васьки, проявив дипломатичность:

– Что, ваша гостя уже встала?

– Моя гостя? – шеф нахмурился.

В мгновенном приступе солидарности охранник и референт переглянулись, затем глупый Васька подкатил глаза к потолку, а умный Лешка уткнул взгляд в пол, и оба одинаково шевельнули губами. Иметь хозяином беспамятного истерика с непредсказуемыми заскоками было сущим мучением!

– Егор Ильич, вы настоящий джентльмен! – фальшиво восхитился хитрый Лешка, в последний момент заменив комплиментом рвущееся с губ «Вы полный склеротик!». – Простите мне мою вынужденную бестактность. Мы с Базилем, конечно, понимаем, что в определенных ситуациях приближенные великого человека должны быть слепы, глухи и немые...

– Конечно, понимаем! – с готовностью поддакнул ничего не понимающий и, увы, не слепоглухонемой приближенный Васька.

– У вас ведь ночевала дама, – мягко напомнил Лешка.

Егор Ильич приподнял белесые бровки, покосился на пустую подушку, задумчиво рассмотрел покоящийся на ней одинокий длинный волос и вновь поднял пустые глаза на референта:

– Да, я припоминаю... Кажется, мы с ней познакомились на приеме у Бурданяна?

– Да нет же, шеф, вы познакомились с ней в казино! – бесцеремонно влез в беседу охранник. – Барышня проигралась в прах и с горя поставила на кон ночь любви, а вы взяли и выиграли!

– Ах, вот оно что! – озабоченное лицо Егора Ильича прояснилось.

В свои шестьдесят с хвостиком он был глубоко равнодушен к любым барышням, но очень нежно и трепетно относился ко всем без исключения барышам. Ночь любви, продающаяся за деньги, как объект торговой сделки не представляла для него никакого интереса – вне зависимости от личности продажной женщины, будь то хоть сама Клеопатра. Совсем другое дело – ночь любви, доставшаяся в качестве карточного выигрыша! Это была чистая прибыль, а прибылей своих Егор Ильич никогда не упускал, благодаря чему и выбился из простых работяг в депутаты. «Из грязи в князи!» – любил он повторять, из популистских соображений акцентируя занимательный факт своей биографии – он родился в провинциальном городишке с выразительным названием Грязи. Кстати, эту остроумную шутку придумал для шефа Алекс, гораздый на разного рода рекламные хитрости и пиар-выкрутасы.

– Но где же она? – озвучил общее недоумение бестактный Васька, присев, как суматори, и заглянув под кровать.

Словно случайной подругой олигарха была настоящая ночная бабочка, способная незаметно упорхнуть!

Однако через полчаса энергичных поисков, едва не перевернувших яхту, эта версия перестала выглядеть невероятной. От ночной гостыи, поднявшейся на борт под ручку с победоносным Егором Ильичом, на борту депутатского «Сигейта» остались только смутные воспоминания, парчовое платье, золоченые босоножки со стразами и одинокий волосок, с обидным намеком свернувшийся дулькой.

- Неужто утопилась? – первым высказал общее беспокойство прямолинейный Васька.
- С чего бы это? – покинутый олигарх поджал губы.

Предположение, будто жизнерадостная красотка после ночи любви с ним могла наложить на себя руки, оскорбляло Егора Ильича как мужчину.

– Может, она просто уплыла? – попытался смягчить ситуацию деликатный Лешка. – До берега метров пятьсот, не больше, даже ребенок доплывет.

– Так ведь вода холоднющая! – простодушно ужаснулся Васька, большой и теплолюбивый, как слон. – Всего пятнадцать градусов, в самый раз для тюленя!

– Или для морского котика... – задумчиво протянул Лешка, во внезапном озарении увидев ситуацию совсем с другой стороны. – Егор Ильич, я не хотел бы вас напрасно беспокоить, но... У вас, случайно, ничего ценного не пропало?

– ...Ты как в воду глядел! Морской котик, то есть кошка! Спецназовка, мать ее! Мата, так ее, Хари! – возбужденно бормотал Васька десять минут спустя – когда вместе с Лешкой прятался от брызг, захлестывающих корму на крутом повороте, под одним куском брезента.

Яхта дерзко ограбленного олигарха на полной скорости шла к берегу. Неистовый Егор Ильич, со скрежетом раздирая зубами ромашковую наволочку, бился в припадке в своей каюте. В его личном сейфе обнаружилась недостача деловых бумаг, представляющих огромный интерес для конкурентов. В свете этого открытия неожиданное появление и еще более неожиданное исчезновение прекрасной незнакомки с навыками тренированного спецназовца определенно были истолкованы как этапы хитроумного плана, имеющего своей целью нанесение Егору Ильичу большого имущественного вреда – вплоть до низвержения его из депутатов и малых олигархических князей обратно в глубоко провинциальные Грязи.

Пушка была бронзовая и темная, как мои думы. Я смотрела на средневековое оружие массового поражения, со скорбью и печалью вспоминая Раису. Свою веселую, бесшабашную, энергичную и заводную подругу, которой всегда все было нипочем. Худшими человеческими грехами она считала уныние, робость и лень. Рядом с Райкой даже я, наполовину тихоня и трусиха, становилась стопроцентной авантюристкой! Тяпа моя Раису просто обожала, и та отвечала ей взаимностью.

– Танюха! Как бы ты ни отказывалась, на самом деле ты этого хочешь, только еще не осознаешь, – убежденно говорила она, подбивая меня на очередное приключение. – А я раньше тебя угадываю твои тайные желания и исполняю их, как Золотая рыбка! Давай, смелее! Я знаю, я вижу: в глубине души ты настоящая амазонка!

В глубине моей души русалкой резвилась Тяпа. Райка обращалась напрямую к ней, игнорируя Нюню, боязливо плещущуюся на мелководе, и никогда не ошибалась с целевой аудиторией. Не помню, чтобы мне хоть раз удалось уклониться от участия в Райкиных сомнительных затеях.

– То-то и плохо, – укоризненно молвила Нюня. – Вот не приехали бы мы в этот отель, и была бы наша Раечка жива-здорова!

Мы с Тяпой предпочли отмолчаться – чувствовали за собой вину.

Нашу неурочную весеннюю вылазку на приморский курорт придумала и организовала Раиса. Я честно пыталась объяснить ей, что это плохая идея: я ведь милым образом смогу съездить к морю в высокий сезон, у меня будет полномасштабный и полновесно оплачиваемый отпуск в знойном августе, зачем же мне брать неделю за свой счет в туманном и сыром апреле? Но подруга уже приняла судьбоносное решение и была непреклонна.

– Танюха! Что значит – какой смысл? Ты в зеркало на себя погляди! – орала она в трубку так, словно хотела докричаться до меня из своего Израиля без помощи телефонной связи. – Я посмотрела твою последнюю фотку на сайте «Одноклассники» – это же ужас что такое!

У тебя лицо бледно-голубое с прозеленью, как заплесневелый французский сыр! Согласись, гадость?

– Гадость, – охотно согласилась я, имея в виду не свое лицо, а рокфор, от которого, Райка это знает, меня тошнит.

– Поэтому ради спасения остатков красоты и здоровья ты должна немедленно отправиться на отдых. Пока еще не поздно! – заявила добрая подруга.

Озабоченно засмотревшись в зеркало, я упустила момент, когда еще могла что-то возразить. Райка сделала глубокий вдох и затем без пауз выдала длинную тираду, из которой следовало, что думать поздно, все уже решено и уговаривает меня подруга только из вежливости.

– Я знаю, в глубине души ты просто мечтаешь отдохнуть от работы, подышать свежим морским воздухом и подставить свое бледное анемичное тело теплым солнечным лучам и горячим мужским рукам! – с неподражаемым апломбом выдала она. – Радуйся, твое желание сбудется, ведь у тебя есть персональная Золотая рыбка по имени Райка! Я все устроила, нас ждет прекрасный двухместный номер в отеле у моря! Он достался мне по спецпредложению, очень выгодно, с большой скидкой. Предупреждаю: деньги я уже заплатила, и назад мне их никто не вернет, так что, если не хочешь ответить на мою о тебе нежную заботу черной неблагодарностью, живо пиши заявление на отпуск и пакуй чемоданы!

Деньги, которые никак нельзя вернуть, были веским аргументом. Израильская жизнь научила Райку дотошно считать шекели, хотя от природы моя подруга к математическим упражнениям не склонна – с абстрактными числами она не дружит и даже телефонные номера запоминает с великим трудом. Ввергать подругу в лишние расходы мне было совестно. Я в очередной раз сдалась и уступила Райкиному нажиму. Выклянчила на работе неделю за свой счет, купила новый купальник и приехала на курорт. О чем теперь ужасно сожалела и душевно терзалась, считая себя косвенно виновной в том, что у нашей сказки про Золотую рыбку оказался такой плохой конец, и не зная, кого винить в гибели подруги.

На парня, проскочившего между мной и пушкой, я обратила внимание только потому, что Нюня задумчиво пробормотала:

– Смотри-ка, опять этот мужик с большим и красивым!

Ляпни нечто подобное Тяпа, я бы сочла сказанное пошлой шуточкой, недостойной моего внимания и крайне неуместной в этот печальный момент. Но заподозрить в несвоевременной игривости простодушную Нюню было невозможно, поэтому я послушно посмотрела – и увидела прилизанного типа с расписным караваем.

– Интересно, где он берет эти хлебобулочные артефакты? – забыв про страдания, заинтересовалась Нюня. – Такую буханку в розничной сети не купишь, это явно хенд-мейд! Может, товарищ – коллекционер и собирает авторские работы из теста?

– Тогда он не отдал бы свой вчерашний каравай на съедение Райке! – возразила Тяпа.

Тут я ойкнула и подпрыгнула, словно гладкий гранитный парапет подо мной неожиданно пророс колючкой. Это же вчерашний мужик с караваем! Один из последних людей, видевших мою погибшую подругу живой!

– И не только видевших, – напомнила Тяпа. – С этим коллекционером караваев Раиса вчера вечером пообщалась очень тесно. И не к нему ли она потом убежала снова, так сказать, для продолжения банкета?

Банкет и каравай ассоциировались крепко-накрепко. Я мгновенно решила, что непременно должна поговорить со вчерашним Райкиным кавалером, чтобы выяснить, когда и при каких обстоятельствах они расстались. Вот и нашлась отправная точка для расследования зловещей истории о безвременной смерти моей дорогой и любимой подруги!

– За ним! – скомандовала Тяпа.

Парень с караваем сел в такси. Я успела услышать, как он сказал водителю:

– В аэропорт, живо, я опаздываю! – и яростно засемафорила другому наемному экипажу.

– Куда спешишь, красавица? – лениво поинтересовался водитель.

– Надо же, второй комплимент за полчаса! – шепнула мне польщенная Тяпа. – Утро нельзя назвать совсем уж скверным!

– В аэропорт, живо, я опаздываю! – не отвлекаясь на всякую ерунду, озабоченно повторила я.

– Чертовы р-р-раздолбаи!

Сеня Васильчук потянулся к подносу и ухватил сухую баранку так, словно это было не мирное хлебобулочное изделие, а ручной снаряд для прицельного броска в лобовую броню вражеского танка. Впрочем, позавчерашняя баранка была немногим мягче камня. Вздумай Сеня запулить ее в голубую даль, в небе над аэропортом стало бы на один самолет меньше. Баранка была страшно твердой, а Сеня очень сильным и жутко злым.

– Какого хрена я должен ломать голову, как это все разруливать?! – закусив баранку и сделавшись похожим на разъяренного быка с медным кольцом в носу, проревел Сеня.

По Сене было видно, что он легко и даже не без удовольствия сломает пару-тройку голов вышеупомянутым чертовым раздолбаям, однако даже такие радикальные меры не позволяли решить заковыристый вопрос: как отправить к месту приземления самолета Высокого Гостя всех Чуть Менее Высоких Встречающих, если их набежало аж восемь душ, а свободных автомобилей у Сени осталось всего два? Причем все встречающие, как на подбор, равнозначны по статусу и категорически не желают делить место в транспорте с себе подобными!

– Молодой человек, вы просто не понимаете, с кем имеете дело! Я руководитель Южного банка! – вытирая потеющий лоб просторным клетчатым платком и делаясь похожим на арабского шейха в национальном головном уборе, занудно повторял дородный чернобровый встречающий.

– А я руководитель Сибирского банка! – запальчиво сообщал редковолосый блондин.

– Но самым крупным подразделением банка является наше, Северо-Западное! – бухтел откровенно лысый толстяк.

Самолет, который уже заходил на посадку, вез Высочайшего Банкира страны. Конкурирующие за внимание шефа банкиры поплотнее злобно зыркали друг на друга и еще более нехорошо смотрели на Сеню. На их гладких розовых лицах читались угрозы, высказывать которые Средневысокие Встречающие, однако, не спешили. По Васильчуку было видно, что ему не особенно противна идея уравнивать количество персональных автомашин и капризных встречающих путем массового истребления последних. Он не считал банкиров венцом творения, и банки его в этот момент интересовали только консервные – лучше всего, с тушенкой.

– Гос-с-споди, как мне все это надоело! – простонал Сеня, нахлобучивая наушники. – Первый, Первый, ответь!

– Я – Первый, – послушно прохрипела рация.

– Вот молодец, – желчно пробурчал Сеня, которого после бессонной ночи и с голодухи раздражало абсолютно все. – Первый он! Куда там! Второй! Слышь, Второй!

– Второй на месте.

– И на том спасибо. Тринадцатый! Тринадцатый!! Тринадцатый, твою дивизию, ты оглох?! – Сенин яростный вопль запросто мог оглушить буйвола.

– Арсений Сергеевич, Тринадцатый – это мы, – без эмоций подсказал замначальника аэропорта, бывалый дядька Андрей Андреич, который в свое время сажал в Питере самолеты «Большой восьмерки» и после этого свято уверовал в существование на земле рая и ада,

из коих первый еще не найден, а последний определенно находится на территории нашей родины, периодически незначительно меняя дислокацию.

В последние дни адское пекло локализовалось в районе курортного аэропорта: на международное финансовое толковище слетались ВИПы со всей Европы. Сейчас в воздушном пространстве над городом находились четыре самолета с Первыми Лицами страны. Каждый лайнер следовало сажать без промедления и принимать со всеми возможными почестями. Не вытанцовывающаяся встреча злополучного банкирского борта сбивала и без того напряженный график. Андрей Андреич с ужасом предвидел наступление момента, когда он вынужден будет сказать пилоту Наиглавнейшего Лайнера: «Прошу прощения, прокружите еще четверть часика, у нас тут живая очередь». После этого им с Сеней осталось бы только занять очередь на расстрел.

– Да пошли вы все! – взревел несдержанный Васильчук, широким взмахом руки указав склочным банкирам направление движения.

С таким экспрессивным посылом колонна встречающих могла пешим ходом дойти до края вселенной, с неизбывной радостью попутно приветствуя космические лайнеры чужих миров.

– Встали! Построились в колонну по два – и айда на поле! – яростно командовал харизматичный Васильчук.

Андрей Андреич, за тоскливыми думами пропустивший пару Сениных императивов, с изумлением увидел самолет, в нарушение всех правил эффектно подруливающий прямо к зданию аэровокзала. Лайнер красиво обошел размещенные в строгом порядке самолеты, развернулся перпендикулярно общему построению, причалил к входу в ВИП-зал и замер, ткнувшись носом в редкую крону ближайшей березки, точно проголодавшийся жираф.

– Неплохо встали! – пробормотал впечатленный Андрей Андреич, с уважением посмотрев на ушедшего Сеню, сумевшего-таки раскусить неразрешимую задачку про два автомобиля и восемь эгоистичных персон.

– Вперед, вперед, шевелимся, встречаем нашего дорогого ВИП-банкира! Теперь все в равных условиях, без автомобилей, на своих двоих! – подгонял тот нерасторопных встречающих.

Мимо Сени и Средневысоких Банкиров, на бегу оправляя расшитый поддельными жемчугами сарафан, пробежала долговязая красавица из протокола, за ней Коля Комарин с дежурным караваем, а за ним – еще одна девица, незнакомая, без всяких этнических прибабасов, но с таким напряженным лицом и сосредоточенным взглядом, что даже нахальный Васильчук не дерзнул поинтересоваться ее личностью и целью появления.

По ровным строчкам морщинок на сурово нахмуренном лбу девицы удобочитаемыми огненными рунами было начертано: «Не влезай, убьет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.